ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА В ШВЕЙЦАРИИ

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА В ШВЕЙЦАРИИ

SCHWEIZER ORTE UND STÄTTEN WO LENIN WEILTE

Text Konrad Farner
Fotos Willy Roettges
Zürich 1957

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА В ШВЕЙЦАРИИ

Перевод с немецкого

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

DER KOMMUNISTISCHEN PARTEI
DER SOWIETUNION
VON DER PARTEI DER ARBEIT
DER SCHWEIZ

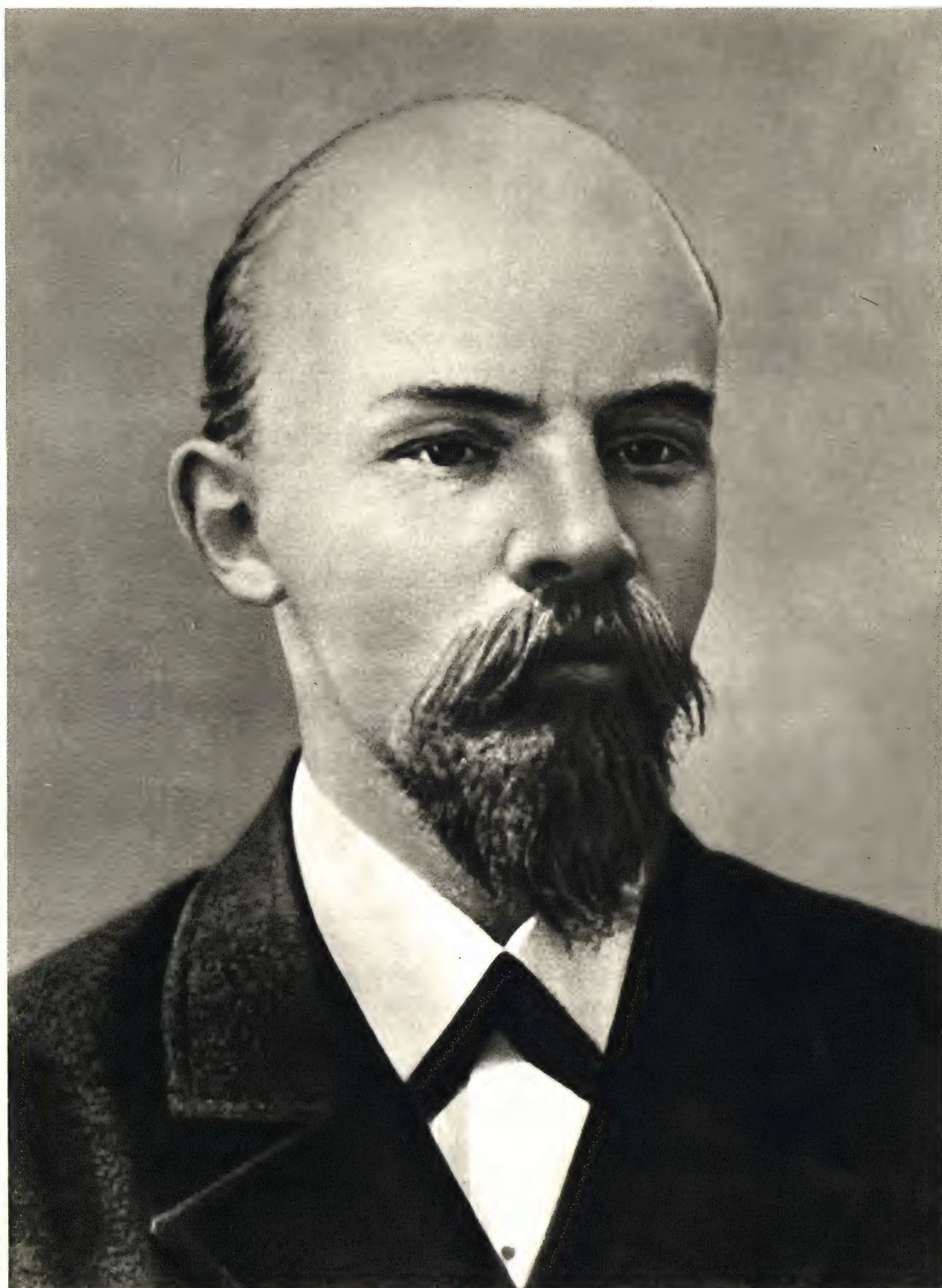
ZUM 40. JAHRESTAG
DER GROSSEN
SOZIALISTISCHEN
OKTOBERREVOLUTION

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ОТ ШВЕЙЦАРСКОЙ ПАРТИИ
ТРУДА

К 40й ГОДОВЩИНЕ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

В ШВЕЙЦАРИИ есть немало городов и деревушек, хранящих память о жизни и деятельности Ленина. Это места, где он работал и отдыхал, спорил и находил истину: Женева и Цюрих, Базель и Берн, Циммервальд и Кинталь, Верлеглиз и Сёренберг, Флумские Альпы и Мон-сюр-Бекс, Ронко и Аскона... И немало людей имеется в Швейцарии, с которыми Ленин сотрудничал, вел дискуссии и полемику, достигая при этом, а иногда и не достигая, единства взглядов. Среди них были и старые и новые знакомые, люди, становившиеся друзьями или противниками, известные и безвестные деятели социалистического движения, женщины и мужчины, посвятившие большую часть своей жизни идее социализма и претворению ее в жизнь. Он знал простых рабочих и ремесленников, беседовал с горожанами и крестьянами, играл с детьми, выступал перед молодежью.

В Швейцарии Ленин пробыл не так уж мало: в 1895 году (ему было 25 лет, когда он впервые выехал за границу) в Женеве он встретился с Плехановым, Аксельродом и Верой Засулич; в 1902 году он был в Цюрихе, с 1903 по 1905 год и в 1908 году он вновь в Женеве; в 1914—1915 годах — в Берне, с 1916 по 1917 — в Цюрихе. И всюду его сопровождала Надежда Константиновна Крупская, спутница жизни, друг и товарищ, бесстрашная и умная, скромная и образцовая жена.

Тот факт, что Ленин столь часто избирал Швейцарию местом своей эмиграции, где он встречал своих также эмигрировавших товарищей по борьбе и откуда он мог неуклонно продолжать свою идейно-теоретическую борьбу, имеет под собой определенную почву: со времен европейских религиозных распрей и религиозных войн XVI—XVII веков эта страна была излюбленным прибежищем для преследуемых по политическим и религиозным мотивам. Расположенная в центре континента, легкодоступная, многоязычная и различная как в религиозном, так и в культурном отношении, эта маленькая, но сильная страна в течение последних четырех столетий служила убежищем для бесчисленных эмигрантов: для потерпевших поражение в крестьянской войне XVI века в Германии, итальянских протестантов в период контрреформации, гугенотов во времена Людовика XIV, аристократов во время французской революции, буржуазных демократов в период либеральных революций 1830 и 1848 годов и национальных восстаний 50-х годов, французских социалистов во времена Наполеона III, немецких социалистов в эру Бисмарка и русских социалистов столыпинских времен. Здесь можно было встретить представителей почти всех европейских наций и народов, представителей почти всех политических направлений — от нигилистов, анархистов и социалистов до либералов и консерваторов, от буржуазных республиканцев до аристократов-роялистов; в анналах швейцарской эмиграции значится много имен, имеющих особое звучание в европейской истории: Эразм Роттердамский, подлинный король европейских гуманистов; Ульрих фон Гуттен, последний немецкий рыцарь; принц Эдуард, последний отпрыск из рода Стюартов; Жан-Жак Руссо,

революционный глашатай нового человека; Шарль-Франсуа Дюмурье, победитель при Вальми и Жемапе; мадам де Сталь, литературная противница Наполеона; Тадеуш Костюшко, великий польский патриот; Георг Бюхнер, один из виднейших немецких поэтов; бесстрашный Вильгельм Вейтлинг, представитель раннего социализма; Рихард Вагнер, гениальный композитор; Джузеппе Маццини, великий итальянский республиканец; Георг Гервег, певец германской буржуазной революции; Михаил Бакунин и князь Кропоткин, крупные теоретики анархизма; Вильгельм де Ветте, выдающийся протестантский теолог; естествоиспытатель Лоренц Окен, прокладывавший новые пути в науке; Фридрих Лист, известный исследователь „немецкого национального хозяйства"; Пеллегрино Росси, один из виднейших юристов Италии; Георгий Плеханов, основатель первой марксистской группы в России... и, наконец, один из самых выдающихся и великих людей на рубеже нашего века—Владимир Ильич Ульянов, назвавший себя Лениным.

Не случайно поэтому в течение XIX века в гостеприимной Швейцарии останавливались и многочисленные русские эмигранты, а в ее городах возникали небольшие русские колонии, в которых были представлены все направления оппозиции: нигилисты и анархисты, левобуржуазные либералы и народники, бундовцы и социал-революционеры, меньшевики и большевики. Всех их объединяло враждебное отношение к реакционному царизму; разъединяло же их не только различие в характере проводимой ими политики, но и в ее целях—и здесь трудно было представить бо́льшую противоположность, существовавшую между кропоткинской анархистской газетой „Le Révolté" и ленинской большевистской газетой „Вперед"; та и другая издавались в Швейцарии.

Не случайно также, что именно в Швейцарии, в Женеве, в 1883 году была создана первая русская партийная группа, стоявшая на почве принципов марксизма,—группа „Освобождение труда". Ее основателем был Плеханов. В самой России в то время не было еще марксистского движения, и группа поэтому ставила своей целью подготовить это движение теоретически и идеологически извне, за границей. Не случайно поэтому и то, что Ленин в 1895 году, когда он впервые поехал за границу, направился в Женеву, чтобы встретиться там с Плехановым. Его пребывание, заполненное главным образом горячими дискуссиями, продолжалось здесь около шести недель.

В те времена, как и теперь, Женева была международным местом встреч особого рода: живописно раскинувшаяся в южном углу Женевского озера, прорезаемая Роной, отклоняющейся здесь в сторону Средиземного моря, защищенная скалами Салева, величаво царящего над городом, окруженная многочисленными, заботливо взращенными парками и уютными деревеньками, Женева представляла собой своеобразную маленькую державу с весьма кипучей жизнью. Этот город, добившийся политической независимости еще в конце средневековья;

Женева

Женева

Салев

Памятник Жан-Жаку Руссо

хранивший гордую непримиримость по отношению к соседнему савойскому дворянству, чьи посягательства он смело отбивал; ставший позже центром кальвинистской реформации, получившей мировое значение; давший миру в XVIII веке Жан-Жака Руссо, великого буржуазного просветителя, а в XIX веке ставший родиной Анри Дюнана, основателя Красного Креста, — город этот имел свою особую историю и обладал своим собственным обликом. Населенная свободолюбивыми гражданами и отличавшаяся развитым и активным рабочим классом, Женева с ее характерным архитектурным обликом — готическим собором, расположенным на возвышенном месте, многочисленными мостами через реку, старинными переулками-колодцами и широкими спокойными бульварами, прекрасными особняками патрициев и типично рабочими жилищами; Женева с ее многочисленными библиотеками, научными учреждениями и институтами, многочисленными кафе и уютными ресторанами представляла собой идеальный город для встреч. Ее атмосфера, проникнутая международным и в то же время местным духом, дышавшая гостеприимством и сдержанностью, создавала, иными словами, наиболее благоприятный климат для эмиграции и всяких дискуссий.

Группа Плеханова, вошедшая в историю русского социализма под названием „Освобождение труда", отнеслась к Ленину с большим вниманием. Годы спустя Аксельрод, ставший между тем меньшевиком, писал: «Эти беседы с Ульяновым были для меня настоящим праздником. Еще и поныне я вспоминаю о них, как о самых радостных и светлых моментах в жизни группы „Освобождение труда"». Однако в ходе дискуссий, несмотря на общую исходную базу, обнаруживались значительные разногласия, либо вовсе не преодолимые, либо, как выяснилось позднее, все менее и менее преодолимые.

Сделав по пути остановки в Париже и Берлине, Ленин 7 (19) сентября 1895 года вернулся в Россию, где создал петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Однако 9 (21)[1] декабря Ленин был арестован. За этим последовали 14 месяцев тюрьмы и три года ссылки в Восточной Сибири.

Сибирская ссылка кончилась 29 января (10 февраля) 1900 года. Ленин вновь переехал поближе к Петербургу, однако за его деятельностью была установлена строжайшая слежка. Жандармский полковник Зубатов доносил в то время своему начальству из охранки, что „крупнее Ульянова в революции сейчас никого нет" и что надо „отделить эту голову от революционного тела". И действительно, на рубеже XX века Ленин стал уже во главе марксизма в России, гениальным кормчим революционного движения, тесно связанным как с интеллигенцией, так и с рабочим классом. Необходимо было сохранить Ленина и осуществить его идеи: по настоянию товарищей 16 (29) июля 1900 года Ленин вновь уехал за границу, в эмиграцию.

[1] Точнее в ночь с 20 на 21 декабря 1895 года. — *Прим. ред.*

В Цюрихе он встретился прежде всего с Аксельродом, после чего они вместе поехали в Женеву, чтобы возобновить переговоры с группой Плеханова. Встреча произошла в конце августа в Корсье и Порт-де-Корсье, небольшой рыбачьей деревушке на левом берегу озера, недалеко от Везены, где Ленин снял комнату. Как и пять лет назад, она кончилась разногласиями между Плехановым и Лениным по вопросу о составе и целях редакции „Искры“, русской революционной газеты, впервые вышедшей (11) 24 декабря 1900 года и ставшей как бы подлинной искрой, воспламенившей новый, XX век. Недаром в качестве эпиграфа газете были предпосланы слова из ответа декабристов Пушкину: „Из искры возгорится пламя“. Подлинными очагами этого огня были Корсье, Везена и Женева, хотя по предложению Ленина „Искра“ и выходила в Германии, ближе к границе России, для которой и были предназначены ее „искры“.

Однако разногласия в русском социалистическом движении продолжались, мешая объединению различных заграничных организаций. В связи с этим в сентябре—октябре 1901 года Ленин приезжал в Цюрих, где под именем „товарища Фрея“ принимал участие в различных совещаниях. Добиться объединения, однако, не удалось, напротив, противоположные полюсы выкристаллизовались еще резче: реформизм — как подчинение и приспособление к существующей действительности и революционный путь — как средство для переустройства и изменения существующей действительности. Это, собственно, те два полюса, которые присущи всем великим движениям человеческой истории.

Дебаты вокруг программы становились поэтому все более ожесточенными, а подготовка к новому, II съезду партии—все более интенсивной. В ноябре 1902 года Ленин вновь приезжал в Швейцарию, чтобы выступить перед русскими эмигрантами в Лозанне, Женеве, Берне и Цюрихе по вопросу о программе партии. В конце апреля 1903 года он переселился на длительное время в Женеву; 12 июля полицейское управление по делам иностранцев прописало его под именем „Oulïanoff, Voldemar bzw. Wladimir“ по адресу: Шмен дю Фойе, 10. Это был маленький двухэтажный домик с кухней на первом этаже и тремя крохотными комнатками на втором этаже; этот домик стал теперь центром политических дискуссий, переносимых порой на берег озера или в маленький, расположенный неподалеку парк.

В самом городе местом встреч русских служило кафе „Ландольт“, вблизи университета. Георг Гофман, уроженец Дрездена, эмигрировавший затем в Женеву и ставший швейцарцем, спустя 50 лет верно и довольно точно охарактеризовал Ленина: «50 лет назад я встретил здесь в кафе „Ландольт“ Ленина. Ленин был представлен мне, тогдашнему председателю швейцарских социал-демократов, как русский товарищ, журналист и публицист. Я не могу забыть впечатления, которое произвел тогда на меня Ленин. Ленин показался мне скромным, любезным, жизнерадостным. „Симпатичный человек“, — подумал я. В ходе беседы я убедился

в огромной энергии, заложенной в этом человеке. Блестящий мыслитель, никогда не оставлявший бездоказательными свои утверждения, настойчиво развивавший какую-либо мысль, твердо и непреклонно делая при этом свои выводы. И все это без излишней горячности, а подчас и с юмором. Ленин сразу же завладел беседой. Он превосходно разбирался в делах нашей партии и подверг меня настоящему допросу».

По соображениям безопасности съезд русских социал-демократов состоялся не в Швейцарии, а в Брюсселе, откуда он из-за полицейских преследований был перенесен в Лондон. Это был съезд, сыгравший историческую роль; на нем произошел раскол на две группы, ставшие впоследствии историческими понятиями: большевики и меньшевики. Итак, размежевание произошло, необходимо было теперь неустанно углублять его далее.

Ленин вновь возвращается в Женеву, где почти ежедневно участвует в политических спорах. Он выходит из редакции „Искры" из-за разногласий с плехановским большинством и еще шире развертывает дискуссию в многочисленных письмах, докладах, брошюрах и беседах. В 1903 году Ленин был занят такой важной проблемой, как аграрный и крестьянский вопрос в России, он написал брошюру „К деревенской бедноте", имеющую принципиальное значение. Брошюра была набрана русскими товарищами и напечатана в маленькой типографии на Рут Каролин, 27. 19 мая 1904 года вышла его книга „Шаг вперед, два шага назад", где под „шагами назад" подразумевался оппортунизм меньшевиков. Он всегда бдительно следит за всем, что происходит в партии и вокруг партии, постоянно обсуждает те или иные вопросы со своими друзьями и товарищами, говорит о них в узком домашнем кругу и выступает перед более широкой аудиторией в зале „Хандверк" на улице дю Вье-Бийяр или в Народном доме на улице Бернар-Дюссо, пишет листовки для России. Это была изнуряющая, нервная работа, и друзья настояли на нескольких неделях совершенно необходимого для него отдыха; в конце июля он наконец покинул изнывавший от летней жары город. Последующие недели, проведенные вдали от городской сутолоки и дел, были всецело посвящены природе. Их очень живо описывает Надежда Крупская в своих „Воспоминаниях": „Мы действительно выбирали всегда самые дикие тропинки, забирались в самую глушь, подальше от людей. Прибродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали"[1]. Свой отдых они проводили возле французской границы на ваадтской Юре, среди ее молчаливых лесов и укромных лугов, приветливых холмов и небольших молчаливых утесов, разбросанных деревень, затерянных хуторов и романтических озер вроде Лак Брене и Лак де Жу.

[1] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, М., Госполитиздат, 1957, стр. 85.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИНЪ.

Къ деревенской бѣднотѣ.

Объясненіе для крестьянъ, чего хотятъ соціальдемократы.

Съ приложеніемъ
Проекта программы Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Изданіе Загран. Лиги Русск. Революціонной Соціальдемократіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Лиги, Route Caroline, 27.
1903

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 1. ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА. № 1.

НАСУЩНЫЯ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНІЯ.

Русская соціалдемократія не разъ уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партіи должно быть ниспроверженіе самодержавія, завоеваніе политической свободы. Это заявляли больше 15 лѣтъ тому назадъ представители русской соціалдемократіи, члены группы „Осв. Труда", это заявили два съ половиной года тому назадъ и представители русскихъ соціалдемократическихъ организацій, образовавшіе весной 1898 года Россійскую Соціалдемократическую Рабочую Партію. Но не смотря на эти неоднократныя заявленія, вопросъ о политическихъ задачахъ соціалдемократіи въ Россіи снова выступаетъ на очередь въ настоящее время. Многіе представители нашего движенія выражаютъ сомнѣніе въ правильности указаннаго рѣшенія вопроса. Говорятъ, что преобладающее значеніе имѣетъ экономическая борьба, отодвигаютъ на второй планъ политическія задачи пролетаріата, съуживаютъ и ограничиваютъ эти задачи, заявляютъ даже, что разговоры объ образованіи самостоятельной рабочей партіи въ Россіи просто повтореніе чужихъ словъ, что рабочимъ надо вести одну экономическую борьбу, предоставивъ политику интеллигентамъ въ союзѣ съ либералами. Это послѣднее заявленіе новаго символа вѣры (пресловутое credo) сводится уже прямо къ признанію русскаго пролетаріата несовершеннолѣтнимъ и къ полному отрицанію соціалдемократической программы. А „Рабочая Мысль" (особенно въ отдѣльномъ Приложеніи) высказалась въ сущности въ томъ же смыслѣ. Русская соціалдемократія переживаетъ періодъ колебаній, періодъ сомнѣній, доходящихъ до самоотрицанія. Съ одной стороны, рабочее движеніе отрывается отъ соціализма: рабочимъ помогаютъ вести экономическую борьбу, но имъ вовсе не разъясняютъ при этомъ или недостаточно разъясняютъ соціалистическихъ цѣлей и политическихъ задачъ всего движенія въ цѣломъ. Съ другой стороны, соціализмъ отрывается отъ рабочаго движенія: русскіе соціалисты опять начинаютъ все больше и больше говорить о томъ, что борьбу съ правительствомъ должна вести одними своими силами интеллигенція, ибо рабочіе ограничиваются лишь экономической борьбой.

Троякаго рода обстоятельства подготовили, по нашему мнѣнію, почву для этихъ печальныхъ явленій. Во-первыхъ, въ началѣ своей дѣятельности русскіе соціалдемократы ограничивались одной кружковой пропагандистской работой. Перейдя къ агитаціи въ массахъ, мы не всегда могли удержаться отъ того, чтобы не впасть въ другую крайность. Во-вторыхъ, въ началѣ своей дѣятельности намъ приходилось очень часто отстаивать свое право на существованіе въ борьбѣ съ народовольцами, которые понимали подъ „политикой" дѣятельность, оторванную отъ рабочаго движенія, которые съуживали политику до одной только заговорщицкой борьбы. Отвергая такую политику, соціалдемократы впадали въ крайность, отодвигая на второй планъ политику вообще. Въ-третьихъ, разрозненно дѣйствуя въ мѣстныхъ мелкихъ рабочихъ кружкахъ, соціалдемократы недостаточно обращали вниманіе на необходимость организаціи революціонной партіи, объединяющей всю дѣятельность мѣстныхъ группъ и дающей возможность правильно поставить революціонную работу. А преобладаніе разрозненной работы естественно связано съ преобладаніемъ экономической борьбы.

Всѣ указанныя обстоятельства породили увлеченіе одной стороной движенія. „Экономическое" направленіе, (поскольку тутъ можно говорить о „направленіи") создало попытки возвести эту узость въ особую теорію, попытки воспользоваться для этой цѣли модной бернштейніадой, модной „критикой марксизма", проводящей старыя буржуазныя идеи подъ новымъ флагомъ. Лишь эти попытки породили опасность ослабленія связи между русскимъ рабочимъ движеніемъ и русской соціалдемократіей, какъ передовымъ борцомъ за политическую свободу. И самая насущная задача нашего движенія состоитъ въ укрѣпленіи этой связи.

Соціалдемократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ, ея задача — не пассивное служеніе рабочему движенію на каждой его отдѣльной стадіи, а представительство интересовъ всего движенія въ цѣломъ, указаніе этому движенію его конечной цѣли, его политическихъ задачъ, охрана его политической и идейной самостоятельности. Оторванное отъ соціалдемократіи, рабочее движеніе мельчаетъ и необходимо впадаетъ въ буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочій классъ теряетъ свою политическую самостоятельность, становится хвостомъ другихъ партій, измѣняетъ великому завѣту: „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ". Во всѣхъ странахъ былъ такой періодъ, когда рабочее движеніе и соціализмъ существовали отдѣльно другъ отъ друга и шли особой дорогой, — и во всѣхъ странахъ такая оторванность приводила къ слабости соціализма и рабочаго движенія; во всѣхъ странахъ только соединеніе соціализма съ рабочимъ движеніемъ создавало прочную основу и для того и для другого. Но въ каждой странѣ это соединеніе соціализма съ рабочимъ движеніемъ вырабатывалось исторически, вырабатывалось особымъ путемъ, въ зависимости отъ условій мѣста и времени. Въ Россіи необходимость соединенія соціализма и рабочаго движенія теоретически провозглашена уже давно, — но практически это соединеніе вырабатывается лишь въ настоящее время. Процессъ этой выработки есть очень трудный процессъ, и нѣтъ ничего особенно удивительнаго въ томъ, что онъ сопровождается разными колебаніями и сомнѣніями.

Какой-же урокъ вытекаетъ для насъ изъ прошлаго?

Исторія всего русскаго соціализма привела къ тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба противъ самодержавнаго правительства, завоеваніе политической свободы: наше соціалистическое движеніе концентрировалось, такъ сказать, на борьбѣ съ самодержавіемъ. Съ другой стороны, исторія показала, что въ Россіи оторванность соціалистической мысли отъ передовыхъ представителей трудящихся классовъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и что при такой оторванности русское революціонное движеніе осуждено на безсиліе. Отсюда сама собою вытекаетъ та задача, которую призвана осуществить русская соціалдемократія: внѣдрить соціалистическія идеи и политическое самосознаніе въ массу пролетаріата и организовать революціонную партію, неразрывно связанную съ стихійнымъ рабочимъ движеніемъ. Много уже сдѣлано въ этомъ отношеніи русской соціалдемократіей; но еще больше остается сдѣлать. Съ ростомъ движенія поприще дѣятельности для соціалдемократіи становится все шире, работа все разностороннѣе, все большее число дѣятелей движенія сосредоточиваетъ свои силы на осуществленіи различныхъ частныхъ задачъ, которыя выдвигаются повседневными нуждами пропаганды и агитаціи. Это явленіе совершенно законное и неизбѣжное, но оно заставляетъ обращать особое вниманіе на то, чтобы частныя задачи дѣятельности и отдѣльные пріемы борьбы не возводились въ нѣчто самодовлѣющее, чтобы подготовительная работа не возводилась на степень главной и единственной работы.

Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса — наша главная и основная задача. Всякій, кто отодвигаетъ эту задачу на второй планъ, кто не подчиняетъ ей всѣхъ частныхъ задачъ и отдѣльныхъ пріемовъ борьбы, тотъ становится на ложный путь и наноситъ серьезный вредъ движенію.

Отодвигаютъ эту задачу, во-вторыхъ, тѣ, кто съуживаетъ содержаніе и размахъ политической пропаганды, агитаціи и организаціи, кто считаетъ возможнымъ и умѣстнымъ угощать рабочихъ „политикой" только въ исключительные моменты ихъ жизни, только въ торжественныхъ случаяхъ, кто слишкомъ заботливо размѣниваетъ политическую борьбу противъ самодержавія на требованіе отдѣльныхъ уступокъ отъ самодержавія и недостаточно заботится о томъ, чтобы эти требованія отдѣльныхъ уступокъ возвести въ систематическую и безповоротную борьбу революціонной рабочей партіи противъ самодержавія.

„Организуйтесь!", повторяетъ рабочимъ на разные лады газета „Рабочая Мысль", повторяютъ всѣ сторонники „экономическаго" направленія. И мы, конечно, всецѣло присоединяемся къ этому кличу, но мы непремѣнно добавимъ къ нему: организуйтесь не только въ общества взаимопомощи, стачечныя кассы и рабочіе кружки, организуйтесь также и въ политическую партію, организуйтесь для рѣшительной борьбы противъ самодержавнаго правительства и противъ всего капиталистическаго общества. Безъ такой организаціи пролетаріатъ не способенъ подняться до сознательной классовой борьбы, безъ такой организаціи рабочее движеніе осуждено на безсиліе, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на немъ великую историческую задачу: освободить себя и весь русскій народъ отъ его политическаго и экономическаго рабства. Ни одинъ классъ въ исторіи не достигалъ господства, если онъ не выдвигалъ своихъ политическихъ вождей, своихъ передовыхъ представителей, способныхъ организовать движеніе и руководить имъ. И русскій рабочій классъ показалъ уже, что онъ способенъ выдвигать такихъ людей: широко развернувшаяся борьба русскихъ рабочихъ за 5-6 послѣднихъ лѣтъ показала, какая масса революціонныхъ силъ таится въ рабочемъ классѣ, какъ самыя отчаянныя правительственныя преслѣдованія не уменьшаютъ, а увеличиваютъ число рабочихъ, рвущихся къ соціализму, къ политическому сознанію и къ политической борьбѣ. Съѣздъ нашихъ товарищей въ 1898 г. вѣрно поставилъ задачу, а не повторилъ чужія слова, не выразилъ одно только увлеченіе „интеллигентовъ"... И мы должны рѣшительно взяться за выполненіе этихъ задачъ, поставивъ на очередь вопросъ о программѣ, организаціи и тактикѣ партіи. Какъ мы смотримъ на основныя положенія нашей программы, мы уже сказали, а подробно развивать эти положенія здѣсь, конечно, не мѣсто. Вопросамъ организаціоннымъ мы намѣрены посвятить рядъ статей въ ближайшихъ номерахъ. Это одни изъ самыхъ больныхъ нашихъ вопросовъ. Мы сильно отстали въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дѣятелей русскаго революціоннаго движенія; надо прямо признать этотъ недочетъ и направить свои силы на выработку болѣе конспиративной постановки дѣла, на систематическую пропаганду правилъ веденія дѣла, пріемовъ надуванія жандармовъ и обхода сѣтей полиціи. Надо подготовлять людей, посвящающихъ революціи не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо подготовлять организацію, настолько крупную, чтобы въ ней можно было провести строгое раздѣленіе труда между различными видами нашей работы. Что касается, наконецъ, до вопросовъ тактики, то мы ограничимся здѣсь слѣдующимъ: соціалдемократія не связываетъ себѣ рукъ, не съуживаетъ своей дѣятельности однимъ какимъ-нибудь заранѣе придуманнымъ планомъ или пріемомъ политической борьбы, — она признаетъ всѣ средства борьбы, лишь бы они соотвѣтствовали наличнымъ силамъ партіи и давали возможность достигать наибольшихъ результатовъ, достижимыхъ при данныхъ условіяхъ. При крѣпкой организованной партіи отдѣльная стачка можетъ превратиться въ политическую демонстрацію, въ политическую побѣду надъ правительствомъ. При крѣпкой организованной партіи возстаніе въ отдѣльной мѣстности можетъ разростись въ побѣдоносную революцію. Мы должны помнить, что борьба съ правительствомъ за отдѣльныя требованія, отвоеваніе отдѣльныхъ уступокъ, это — только мелкія стычки съ непріятелемъ, это — небольшія схватки на форпостахъ, а рѣшительная схватка еще впереди. Передъ нами стоитъ во всей своей силѣ непріятельская крѣпость, изъ которой осыпаютъ насъ тучи ядеръ и пуль, уносящія лучшихъ борцовъ. Мы должны взять эту крѣпость, и мы возьмемъ ее, если всѣ силы пробуждающагося пролетаріата соединимъ со всѣми силами русскихъ революціонеровъ въ одну партію, къ которой потянется все, что есть въ Россіи живого и честнаго. И только тогда исполнится великое пророчество русскаго рабочаго-революціонера, Петра Алексѣева: „подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!"

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ЛИБКНЕХТЪ

(родился 29-го марта 1826 г., умеръ 7-го августа 1900 г.)

Со смертью старѣйшаго вождя германской соціалдемократіи революціонный пролетаріатъ всего міра лишился одного изъ своихъ наиболѣе замѣчательныхъ и неутомимыхъ борцовъ и руководителей. Не даромъ вѣсть объ его внезапной кончинѣ, какъ громомъ поразила передовыхъ рабочихъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Не только изъ всѣхъ концовъ Германіи, но и изъ другихъ странъ Европы, да не одной лишь Европы, а и Америки, Австраліи, и даже изъ южной Африки, Японіи посланы были сочувственныя телеграммы, съ выраженіемъ глубокой скорби о незамѣнимой утратѣ, понесенной международной соціалдемократіей. Похороны Либкнехта приняли характеръ и размѣры величественной манифестаціи, въ которой приняли участіе сотни тысячъ, быть можетъ, около милліона нѣмецкихъ рабочихъ и представителей рабочихъ партій Англіи, Франціи, Австріи, Венгріи, Бельгіи, Даніи и разныхъ другихъ странъ. По единодушнымъ заявленіямъ всѣхъ добросовѣстныхъ газетныхъ корреспондентовъ, видѣвшихъ эту манифестацію, такихъ грандіозныхъ похоронъ не удостаивался еще ни одинъ король, ни одинъ императоръ.

Всеобщія глубокія симпатіи борющагося пролетаріата всего міра къ Либкнехту, съ такой силой и искренностью выразившіяся по случаю его кончины, пріобрѣтены были имъ многолѣтней службой дѣлу освобожденія рабочаго класса, неутомимыми усиліями его на пользу умственнаго и политическаго возвышенія эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ рабочихъ массъ. Представить полную и разностороннюю оцѣнку его заслугъ передъ международнымъ пролетаріатомъ, — значитъ дать подробное описаніе его жизни и дѣятельности, по меньшей мѣрѣ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, т. е. приблизительно за сорокъ лѣтъ. Но начало его общественной дѣятельности относится къ революціи 1848 г. а выработка его убѣжденій и идеаловъ, на служеніе которымъ онъ отдалъ свои способности, началась еще раньше, въ тѣ времена, когда въ Германіи, какъ теперь въ Россіи, не только рабочіе, но и буржуазные классы, въ особенности образованные ихъ слои, терпѣли отъ правительственнаго произвола и устарѣлыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ. Исторія жизни и дѣятельности Либкнехта тѣснѣйшимъ образомъ связана, поэтому, съ исторіей Германіи, а косвенно съ важнѣйшими моментами и событіями въ исторіи Европы, за періодъ болѣе продолжительный, чѣмъ полстолѣтіе. Для того, чтобы представить біографію Либкнехта въ такихъ широкихъ рамкахъ, надобно написать объемистую книгу. Здѣсь же мы ограничимся только сообщеніемъ нѣсколькихъ фактовъ изъ его, полной неутомимой дѣятельности и борьбы жизни, и, главнымъ образомъ, изъ того періода ея, въ теченіе котораго онъ воспитался и подготовился къ роли вождя германскихъ рабочихъ.

* * *

По своему рожденію и воспитанію, Либкнехтъ принадлежитъ къ буржуазіи и именно къ тѣмъ ея слоямъ, которые у насъ извѣстны подъ названіемъ „интеллигенція". Какъ я уже сказалъ, во времена его дѣтства и юности, въ Германіи господствовало монархическое и полицейское самовластіе, отъ котораго больше всего страдали, конечно, низшіе городскіе классы да деревенскія массы, находившіяся сверхъ того, подъ гнетомъ помѣщиковъ; но терпѣли также и буржуазные классы, — торговцы, фабриканты, а въ особенности образованные ихъ слои, врачи, адвокаты, учителя, профессора и учащаяся, по преимуществу, университетская молодежь. Вслѣдствіе этого, буржуазія вообще, а интеллигенція въ особенности, проникнута была духомъ недовольства и оппозиціи. Наиболѣе благородныя натуры и горячія головы изъ интеллигенціи проникнуты были сочувствіемъ къ народнымъ страданіямъ, мечтали о такихъ общественныхъ порядкахъ, при которыхъ не было бы мѣста неравенству и несправедливости и старались даже распространять свои революціонныя и соціалистическія идеи среди рабочихъ. Внутри самой Германіи пропаганда эта велась, конечно, тайно, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній. Но нѣмецкіе рабочіе, главнымъ образомъ, молодые подмастерья, имѣли тогда обыкновеніе перекочевывать изъ одного города въ другой и даже изъ одной страны въ другую. Благодаря этому обстоятельству, нѣмецкихъ рабочихъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ можно было встрѣтить сотнями не только въ Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, сосѣднихъ съ Германіей странахъ, но даже и въ Англіи. Во всѣхъ этихъ государствахъ уже до революціи 1848 г. были конституціонные порядки, дававшіе рабочимъ большій или меньшій просторъ для саморазвитія и самодѣятельности. Туда направили свои главныя усилія тѣ изъ нѣмецкихъ соціалистовъ и революціонеровъ, которые стремились вызвать среди рабочихъ сознательное недовольство существующими порядками. Свободныя политическія учрежденія и антиправительственная и соціалистическая агитація туземныхъ оппозиціонныхъ партій и рабочихъ союзовъ въ названныхъ странахъ, конечно, въ свою очередь, сильно способствовали умственному и политическому пробужденію нѣмецкихъ пролетаріевъ, на время или на долго водворявшихся тамъ. Результатомъ этого двойного воздѣйствія на нихъ было то, что Швейцарія, напр., уже въ 40-хъ годахъ покрылась сѣтью нѣмецкихъ рабочихъ обществъ. Союзъ коммунистовъ, образовавшійся въ Лондонѣ и издавшій, какъ извѣстно, знаменитый „Манифестъ Коммунистической Партіи", написанный Марксомъ и Энгельсомъ, также состоялъ, главнымъ образомъ, изъ нѣмецкихъ рабочихъ.

Порт-де-Корсье

Типография в доме № 6 по улице Кэ дю Шваль Блан

SUZE

Это были хорошие дни: „После месяца такого времяпрепровождения нервы у Владимира Ильича пришли в норму. Точно он умылся водой из горного ручья...

Осенью, вернувшись в Женеву, мы из предместья Женевы перебрались поближе к центру. Владимир Ильич записался в Société de lecture, где была громадная библиотека и прекрасные условия для работы, получалась масса газет и журналов на французском, немецком, английском языках. В этом Société de lecture было очень удобно заниматься, члены общества — по большей части старички-профессора — редко посещали эту библиотеку; в распоряжении Ильича был целый кабинет, где он мог писать, ходить из угла в угол, обдумывать статьи, брать с полок любую книгу. Он мог быть спокоен, что сюда не придет ни один русский товарищ и не станет рассказывать, как меньшевики сказали то-то и то-то и там-то и там-то подложили свинью. Можно было, не отвлекаясь, думать. Подумать было над чем"[1].

Членский билет общества был помечен 12 декабря 1904 года; почти ровно четыре года Ленин посещал это учреждение. В этот же день, 12 декабря, большевики в Женеве решили вместо ставшей меньшевистской „Искры" издавать свою собственную газету. „Вперед" — было ее название. Это же слово было ее лозунгом. 4 января 1905 года вышел ее первый номер, а слова Ленина „Всякий кризис одних надламывает, других *закаляет*"[2] стали ее девизом — и мировая история подтвердила его правоту.

Спустя 18 дней, 23 января, женевские газеты сообщили крупным аншлагом: „Революция в России!" Предшествующий день — 9 января по старому стилю — вошел в историю России под названием „Кровавого воскресенья". В зале „Хандверк" состоялся митинг протеста женевских эмигрантов, на котором присутствовало много людей. После митинга по улицам квартала Плэнпале, населенного главным образом рабочими, прошла демонстрация, участники которой, как сообщала полиция, распевали „Интернационал" до часу ночи.

В середине апреля Ленин выехал в Лондон для участия в работе III съезда партии. Вновь избранный состав ЦК поставил Ленина во главе партии и сделал его одновременно главным редактором новой партийной газеты „Пролетарий". Первый номер газеты вышел в Женеве 27 (14) мая со статьей Ленина „Извещение о III съезде РСДРП". В июне—июле того же года он написал работу, вошедшую в историю мирового социализма: „Две тактики социал-демократии в демократической революции". В этой книге Ленин подверг критике псевдореволюционные методы меньшевиков (и, по сути дела, всех социал-демократических партий предшествующего и последующего периодов) и дал яркую и точную характеристику большевистской, подлинно революционной тактики. В конце октября Ленин покинул Женеву и спустя три недели (в Стокгольме он вынужден был ждать документов) прибыл

[1] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 86.
[2] „Ленин Владимир Ильич. Краткая биография", Госполитиздат, М., 1955, стр. 73.

ПИСЬМО

въ редакцію „ИСКРЫ“

Н. Ленина.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27.
Декабрь 1903 года.

Зал „Хандверк“ по улице дю Вьё-Бийяр

Кафе „Ландольт“

Университет

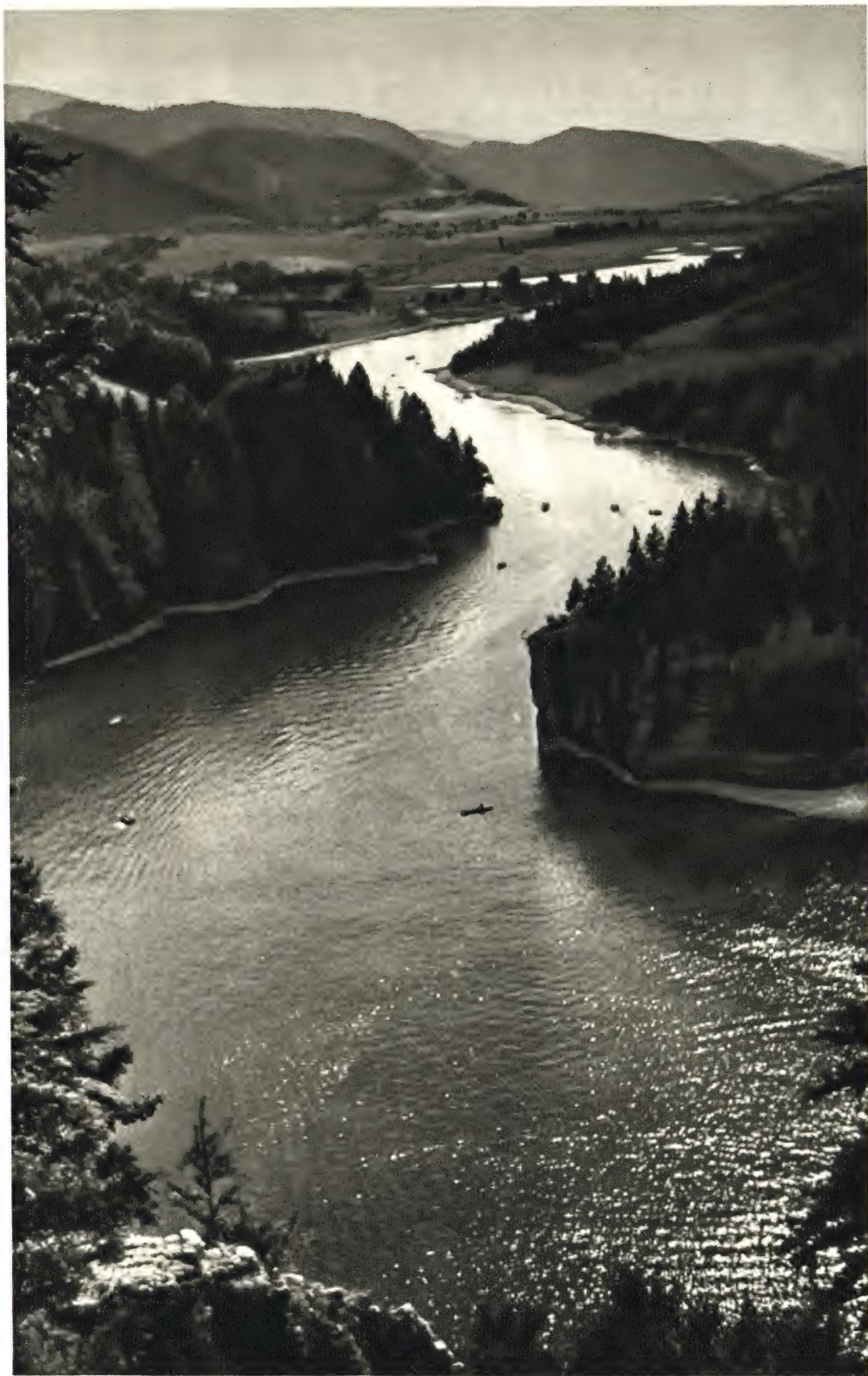
в охваченный брожением Петербург. Спустя четыре недели, к концу декабря, революция 1905 года достигла своего апогея в Москве, а затем была жестоко подавлена. Поражение было тяжелым, а месть царизма — кровавой.

Подвергаясь смертельной опасности, преследуемый шпиками, Ленин вынужден был вновь покинуть родину. Несмотря на поражение, и именно вследствие поражения, необходимо было еще более энергично и неуклонно продолжать начатое дело вопреки пессимистам и пораженцам. 7 (25 декабря 1907 года) января 1908 года Ленин вместе со своей спутницей жизни вновь вступил на женевскую землю, которая встретила его крайне неприветливо — снегом и холодом. Он снял маленькую, скудно обставленную комнату в доме № 17 по улице де Де-Пон. Теперь, после подавления революции, к тому же в условиях крайних финансовых затруднений, неуклонно продолжать начатое дело было вдвойне тяжело, а конечная цель казалась теперь такой далекой. Однако Ленин никогда не падал духом, и Крупская была безусловно права, говоря: „В момент поражения он думал о величайших победах пролетариата. По вечерам, когда мы ходили по набережным Женевского озера, он говорил об этом“[1]. Да, работа становилась теперь трудной, как никогда: в результате огромных усилий удалось наконец в пригороде Каруж на Кэ дю Шваль Блан, 6, оборудовать маленький наборный цех; однако весь тяжелый свинцовый набор каждый раз приходилось переправлять через весь город в „Рабочую типографию“, где газета и готовилась к выпуску на условиях кредита.

В июле и августе он смог выкроить несколько свободных дней, проведенных им очень скромно в горной деревушке Верлеглиз, расположенной на пути к Пилонскому перевалу, связывавшему ваадтский городок Эгль и Ронскую равнину с долиной Заанен и нагорьем Бернского кантона. Это была настоящая горная долина у подножья величественного 3000-метрового Диаблере, относящегося к глетчерным вершинам Швейцарии и открывающего грандиозную панораму Бернских Альп в направлении Валлиса и Готтарда. Несмотря на временами дождливую погоду, это были счастливые дни; пребывание на горном воздухе в обстановке полнейшего покоя было настоящим отдыхом для него после частых и шумных женевских споров в прокуренных помещениях.

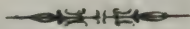
В августе он возвратился в Женеву, а 31 августа, в годовщину смерти немецкого социалиста Фердинанда Лассаля, вместе с друзьями посетил памятное место трагической дуэли, где 29 августа 1864 года этот талантливый человек с горячей головой был тяжело ранен, а затем после мучительных страданий скончался на третий день в 39-летнем возрасте. Какие мысли волновали Ленина перед этим памятником? Лассаль, подобный неистовому самопожирающему пламени, непостоянный, романтик в жизни и делах, часто не имевший ясной концепции, не лишенный

---

[1] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 142.

Юра

„Société de lecture“

SOCIÉTÉ DE LECTURE

Grand'Rue, 11, Genève

Est présenté pour devenir membre effectif de la Société,

Monsieur, (nom et prénoms) Vladimir Oulianoff

date de la naissance 1870

domicile 3 Rue David Dufour. 3. Genève

profession Publiciste

origine Russie

Il est presenté par Messieurs:

Paul Birukoff

Armand Dussaux.

Genève, le 12 Decembre 1904

Абонентная карточка „Société de lecture“ на право посещения Лениным библиотеки этого общества

EN AVANT.

ВПЕРЕДЪ

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

№ 1. ЖЕНЕВА, 4 ЯНВАРЯ (22 ДЕКАБРЯ) 1905 г.

LE PROLÉTAIRE

ЖЕНЕВА 27 (14) мая 1905 года.

№ 1.

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

[Из]вѣщеніе о III-емъ съѣздѣ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

Товарищи-рабочіе! Недавно состоялся III-й съѣздъ Р. С.-Д. Р. П., [к]оторый долженъ открыть собой новую полосу въ исторіи наше[го] соціальдемократическаго рабочаго движенія. Россія пережи[ва]етъ великій историческій моментъ. Революція вспыхнула и раз[го]рается все шире, охватывая новые мѣстности и новые слои на[се]ленія. Пролетаріатъ стоитъ во главѣ боевыхъ силъ революціи. [Он]ъ принесъ уже наибольшія жертвы дѣлу свободы и готовится [те]перь къ рѣшительному бою съ царскимъ самодержавіемъ. Со[зна]тельные представители пролетаріата знаютъ, что свобода не [illegible]

вооруженномъ возстаніи противъ самодержавія. Чѣмъ упорнѣе становится сопротивленіе царской власти народному стремленію къ свободѣ, тѣмъ могучѣе растетъ сила революціоннаго натиска, тѣмъ вѣроятнѣе полная побѣда демократіи съ рабочимъ классомъ во главѣ ея. Проведеніе побѣдоносной революціи, отстаиваніе ея завоеваній возлагает гигантскія задачи на плечи пролетаріата. Но пролетаріатъ не испугается великихъ задачъ. Онъ съ презрѣніемъ отброситъ отъ себя тѣхъ, кто судитъ ему несчастья отъ его побѣды. Россійскій пролетаріатъ съумѣетъ исполнить свой долгъ до конца. Онъ съумѣетъ стать во главѣ народнаго вооруженнаго возстанія. Онъ не испугается трудной задачи участія во временномъ революціонномъ правительствѣ, если эта задача выпадетъ на его долю. Онъ съумѣетъ отбить всѣ контръ-революціонныя попытки, беззощадно раздавить всѣхъ [illegible]

Кубанскаго к-та, Донского к-та, Донецкаго Союза, [illegible] Союза, Периферіи Москов. к-та, Сормовской периферіи, Смоленскаго к-та, Крымскаго Союза и Украинскаго С.-Д. Союза. [illegible] этотъ есть письмо къ „Товарищамъ, собравшимся на съѣздъ по приглашенію Организ. к-та“, письмо, подписанное представителями всѣхъ названныхъ организацій. Отсюда видно [illegible] К-ту дѣйствительно удалось обезпечить возможность общепартійнаго съѣзда въ полномъ смыслѣ слова.

Съѣздъ имѣлъ всего 26 засѣданій. Въ порядкѣ дня стояли вопросы тактическіе: 1) Вооруженное возстаніе. 2) Отношеніе къ политикѣ правительства наканунѣ и въ самый моментъ переворота. 3) Отношеніе къ крестьянскому движенію. Далѣе вопросы организаціонные: 4) Отношеніе рабочихъ и интеллигентовъ въ партійныхъ организаціяхъ. 5) Уставъ партіи. [illegible]

…on	Adresse	Recommandation	Signature
…ik	5 rue Saint Ours	Comm. de la direction	R. Laton
…ro	7 rue Hugo de Senger		W. Ulianoff.
…édecine	6, rue de la Pelouse.	Ancien lecteur de la S. Naville. Comm.	[illegible]

Huitième Année — № 20 · Le numéro 5 centimes · Mardi 24 Janvier 1905

Rédaction : Cité, 21
Téléphone 3988

Partie financière :
26, Rue des Allemands, 26

Adresse Télégraphique :
Journalsuisse Genève

Abonnements : Cité, 23

	Suisse	Etranger
1 mois	1.—	2.50
3 »	3.—	7.50
6 »	6.—	14.—
Un an	12.—	27.—

La Suisse

DERNIÈRES NOUVELLES DE LA NUIT

Annonces : la ligne Fr. 0.20
Réclames : » » 1.—
Rabais pour insertions répétées

Avis mortuaires :
Familles, la ligne, Fr. 0.20
Sociétés, 1 insertion, » 1.—
» 2 insertions » 1.50

Les annonces sont reçues à l'Administration, Cité, 23.
Téléphone 3989
Succursale : Rue de la Monnaie, 8
et par les principales agences de publicité

NOS FEUILLETONS

« Mon Cousin Guy » devant finir sous peu, LA SUISSE commencera la publication d'une œuvre d'émotion intime et douce, une nouvelle exquise :

LE LAC NOIR

du romancier très apprécié de notre public

Henry BORDEAUX

Nous prévoyons que ce feuilleton méritera tous les suffrages et que

Le Lac Noir

sera très favorablement accueilli par nos lecteurs.

LES MASSACRES EN RUSSIE

Le 16 septembre 1831, M. Sébastiani, ministre du roi Louis Philippe, prononçait, à la Chambre des députés, ces paroles tristement célèbres :

„ L'ordre règne à Varsovie ! „

L'ordre règne à Varsovie : cela voulait dire la Pologne est morte, assassinée par la soldatesque russe !

Le sang avait coulé à flots : des femmes, des enfants avaient été massacrés. La résistance des Polonais fut héroïque. On s'était battu corps à corps, à coups de sabre et de faulx. Des centaines d'officiers s'étaient rués au premier rang, l'épée à la main, en chantant le chant national : *La Varsovienne*.

Héroïsme inutile ! Le czar victorieux par le massacre établit dans le sang sa domination, et les vaincus durent répéter une fois encore le mot tragique de Kokinsko : « Finis Poloniæ. »

On chanta des Te deum dans toute l'Europe et les monarques envoyèrent des félicitations au souverain « leur bon frère », qui avait fait assassiner la Pologne...

Aujourd'hui ce n'est pas à Varsovie que sévissent spécialement les massacres : c'est surtout à Pétersbourg. Des ouvriers, sans travail et sans armes, tombent sous les balles ou sous les fouets des soldats et des policiers de l'empereur Nicolas. Des femmes, des enfants sont piétinés, meurtris par les chevaux des cosaques. Le sang, dans les rues, rougit la neige. Oh ! les belles victoires remportées sur des troupeaux d'affamés, sur des bourgeois, des étudiants, des ouvriers qui ne demandaient qu'un peu de justice, un peu de liberté et le droit de ne pas mourir de misère ! Quelle revanche glorieuse des défaites infligées par les Japonais ! Le czar peut rendre grâce à Dieu et monter au Capitole. Il a cueilli des lauriers : il les a ramassés dans le sang des femmes égorgées et des enfants dont la mitraille a fracassé les membres. Bien gardé à vue, à l'abri dans les profondeurs de son palais, il attend les résultats magnanimes des combats où des gens sans armes luttent contre des hommes armés.

Les résultats qui peut les prévoir ? Il semble que la colère, dans toute la Russie, fait place à l'antique résignation. De tous les côtés on signale de l'agitation, on annonce des bouleversements.

Est-ce un peuple qui marche à la délivrance ou des martyrs qui vont à la mort ? Est-ce l'ère de Danton qui commence ? Sera-ce la résignation à la Tolstoï qui prévaudra ?

On peut espérer beaucoup ; on doit tout craindre.

Si les soldats, las du rôle odieux qu'on leur impose, renoncent au métier de bourreaux et pactisent avec les grévistes, qui veulent vivre en travaillant, nous assisterons à une insurrection où la force armée s'unira au droit désarmé. Cette association des soldats et du peuple peut aboutir à un changement de dynastie, à l'établissement d'un gouvernement d'équité et de liberté. Elle peut aussi avoir pour conséquence une sorte de jacquerie où périrait la féodalité aristocratique et financière.

Pétersbourg a entendu, hier, ces paroles révolutionnaires : A bas l'autocratie ! A bas l'aristocratie !

Si, au contraire, l'obéissance passive fait taire le cri de la conscience, les massacres se généraliseront, les tueries changeront en lacs de sang les villes et les villages d'une nation infortunée, et, du milieu des ruines et des désastres, dans le lâche sommeil de l'Europe complice, un cri s'élèvera, plus effroyable que celui qui épouvanta le monde en 1831, et l'écho redira : **L'ordre règne en Russie,** — l'ordre qui règne aux cimetières.

Morts dormez dans vos tombes ; l'Empire c'est la paix — la paix de l'assassinat.

La « Suisse » publiera demain un article d'Emile GAUTIER.

AU JOUR LE JOUR

On a beau s'évertuer à les bien distinguer, la religion et la superstition restent toujours un peu germaines. Un rapport publié par l'inspecteur ecclésiastique du district de Peine, et dont la « Gazette de Francfort » cite quelques fragments, en fournit la preuve. On y peut lire en effet les déclarations surprenantes que voici sur la sorcellerie et le mauvais œil.

Il existe en maints endroits des gens qui possèdent la fâcheuse qualité d'ensorceler par le « mauvais regard » ou par leur simple présence, les hommes et le bétail, de telle façon qu'ils dépérissent sans espoir de secours ; ou bien, l'effet sera, par exemple, de rendre stérile la lactation d'une vache ou de rendre son lait mauvais. Cet effet néfaste est imputé au diable et à ses mauvais esprits. Par contre, quelques créatures ont le pouvoir remarquable de détruire ces mauvais effets, grâce à des invocations de l'Être Suprême, de la Trinité divine, grâce au simple signe de croix ou à des incantations mystérieuses. On emploie cette méthode pour la guérison du cancer, du lupus, ou pour arrêter une hémorrhagie...

Ce sont évidemment des restes de paganisme, poursuit le rapport. Cependant, à y regarder de près, « il y a, dans la vie morale, assez de choses secrètes pour favoriser la persistance de ces superstitions. Nous ne voudrions pas, à ce sujet, omettre de dire qu'il s'agit là d'un péché fort grave. »

Conclusion : la sorcellerie est incontestablement un « péché » et, comme telle, il faut la combattre ; mais il n'est pas du tout prouvé qu'il soit vain d'y croire.

Et, pour son compte, l'inspecteur ecclésiastique n'en est pas fort éloigné.

NOUVELLE A LA MAIN

Un de nos grands négociants de la rue Traversière est sur le point d'engager un commis étalagiste qui lui a été chaudement recommandé par la Société de patronage des détenus libérés.

— Mais dites-moi, mon ami !... Est-ce que vous sauriez faire une montre ?...

— Cette question !... puisque j'ai été trois fois condamné en qualité de pick-pocket !...

LA RÉVOLUTION EN RUSSIE

LA JOURNÉE DE DIMANCHE

La version officielle

Voici comment le rapport officiel expose les événements de dimanche :

Au commencement de 1904, les statuts de la société des ouvriers des fabriques de Pétersbourg ont été confirmés. Ces statuts avaient pour but de satisfaire les intérêts spirituels et religieux des membres de la société et de tenir les ouvriers éloignés de la propagande par la violence. — Plus tard, cette société a poussé ses membres à s'immiscer dans l'affaire du renvoi de quatre ouvriers des usines Poutiloff, qui ont cessé le travail le 13 janvier. De même presque toutes les autres fabriques ont également cessé le travail. Les patrons se déclarèrent prêts à entrer en négociations avec les ouvriers et à accorder une partie de leurs revendications, mais les ouvriers ne se tinrent pas pour satisfaits. A l'agitation dans les cercles ouvriers se joignit bientôt celle des cercles révolutionnaires. Le prêtre Gapon composa une pétition qui contenait, outre les prétentions des ouvriers, d'insolentes réclamations d'un caractère politique. Le 22, eut lieu sur la place du Palais, une assemblée des ouvriers qui voulaient remettre à l'empereur une pétition. Les ouvriers avaient été si excités par les discours fanatiques de Gapon, qu'il se produisit des rencontres sanglantes entre eux et la troupe qui dut faire feu et fut assaillie à coups de pierres depuis les fenêtres.

En faveur des ouvriers

Samedi soir a eu lieu une assemblée d'hommes de lettres et écrivains qui ont discuté les mesures à prendre pour éviter l'effusion du sang. Ils ont décidé d'envoyer une délégation au ministre de l'intérieur pour demander à ce dernier d'intervenir auprès du tzar, afin que celui-ci acceptât la pétition des ouvriers. Il fut répondu aux délégués qui se présentèrent au domicile du ministre que celui-ci était absent. La délégation se rendit alors chez le secrétaire d'Etat de Witte, lequel déclara ne pas pouvoir soumettre à l'empereur la demande de l'assemblée. Il ajouta qu'il ne pouvait s'occuper des affaires du ministre de l'intérieur, mais se déclara prêt à informer ce dernier de la démarche des délégués, qu'il lui fit connaître par téléphone. Le ministre répondit qu'il ne recevrait pas la délégation, dont Maxime Gorky, entre autres, faisait partie.

Samedi a également eu lieu une assemblée qui a décidé de former un comité chargé de rassembler les secours destinés aux familles des ouvriers.

Les incendies à Pétersbourg

Des incendies importants ont éclaté près de la porte de Varsovie.

Les deux dernières salves ont été tirées à 11 h. du soir. Trente hommes ont été tués.

La fabrique de cigarettes « La Ferme », dont les employés refusaient de se joindre à la grève a été brûlée par la foule.

Les massacres

Une barricade, qui a été élevée a été détruite par les soldats presque immédiatement après. 30 ouvriers ont été tués en la défendant. Au nombre des victimes du square du Palais, figurent un certain nombre d'enfants qui jouaient sur la glace dans le jardin Alexandre. 25 d'entre eux ont été tués ou blessés. Une députation de grévistes qui avaient été envoyés à une caserne pour protester contre les violences de la troupe, a été repoussés par les cosaques qui ont frappé les manifestants avec leur fouet. Les émeutiers ont brisé à coups de pierres les fenêtres du palais du grand-duc Serge.

La fusillade a continué pendant presque toute la nuit. Il semble que la troupe ait perdu la tête. Partout les soldats bivouaquent autour de grands feux. Le froid est de 17 degrés. A Vassili Ostrow, les barricades sont illuminées de feux allumés par les grévistes.

Le correspondant du « Daily Express » à Pétersbourg dit qu'il y a eu dimanche 2000 tués et 5000 blessés.

Plusieurs journaux publient la dépêche suivante : A la porte Narva, il y a eu 300 tués et 500 blessés. A la porte Moskowski, au-dessous de la station de Moscou, 500 tués et 700 blessés. Dans le quartier Vassilli-Ostrow, 200 tués et 500 blessés. Sur d'autres points, 100 tués et 500 blessés. Ces chiffres seraient fournis par la police.

Ceci ferait 1100 tués et 2200 blessés, mais ces chiffres ne comprennent pas les tués et blessés de cette nuit. Or, les dépêches nous apprennent que la fusillade n'a pas cessé la nuit.

Nouveaux détails

Voici d'autres détails que reçoit le « Petit Journal » de son correspondant particulier à Pétersbourg.

« Vers midi, malgré les patrouilles de cavalerie, une foule énorme, correcte et résolue, envahit toutes les places et les rues avoisinant le Palais d'Hiver qui est gardé par trois régiments d'infanterie, baïonnette au canon. Devant l'attitude hostile des étudiants, les cavaliers campés dans la cour de l'Académie des beaux-arts reçoivent l'ordre de se retirer.

A une heure la multitude montre le poing aux cosaques en criant : « Mandchourie ! Mandchourie ! » Sur la place de l'Amirauté elle chante la « Marseillaise ». Les grévistes sont repoussés à toutes les portes de la ville.

Une énorme colonne populaire rompt le triple cordon de lanciers en chantant la « Marseillaise ». La troupe fait aussitôt usage de ses armes. Des tués et des blessés gisent sur le sol. On réquisitionne de toutes parts des voitures pour le transport des victimes, surtout place de l'Amirauté où le pavé est rouge de sang. Je suis obligé de descendre de mon traîneau dans lequel on hisse un enfant tué net et dont la petite tête livide ballotte de droite et de gauche. Les femmes pleurent. Les voitures d'ambulance sont insuffisantes. Sur les quais de la Neva une sourde rumeur gronde et roule. Les gendarmes, sabre au clair, vont charger.

J'ai vu le geste de commandement par bonheur. J'ai eu le temps de me jeter à plat ventre. 300 coups de fusils partent en même temps. L'infanterie a tiré à 100 mètres. Les cosaques achèvent l'œuvre de mort en chargeant à fond de train, rapides comme l'ouragan. Par centaines, les femmes, les enfants, les ouvriers tombent. Une salve couche à terre, près de moi, des êtres qui ne se relèveront plus. On se précipite dans les cours des maisons. On entend au loin le choc sourd et brutal des détonations d'artillerie ».

Un appel de Gapon

On télégraphie de Pétersbourg au « Standard » :

Le prêtre Gapon, qui se cache, a envoyé de sa retraite la lettre suivante à ses lieutenants :

« Chers associés et travailleurs, après aujourd'hui, nous n'avons plus d'empereur ; le sang des innocents le sépare de son peuple. En conséquence, vive le commencement de la lutte du peuple pour sa liberté. Je vous bénis tous, et je serai avec vous ce soir. »

Que fait le Tsar ?

Au « Daily Express » de Pétersbourg : On a annoncé dans la soirée de dimanche que le tsar a quitté Tsarkoïe.

Suivant des dépêches de sources diverses, que reproduit le « Matin », le tsar et la tsarine auraient l'intention de partir avec leurs enfants pour le sud, vraisemblablement pour Livadia, afin d'éviter pour le moment l'orage révolutionnaire.

Intransigeance du gouvernement

On mande de Pétersbourg au « Daily Telegraph » : Des démarches ont été entreprises samedi soir à la suite d'un meeting libéral par une députation chargée d'entrer en pourparlers avec le ministre de l'intérieur afin de chercher à éviter une effusion de sang. La députation, qui comprenait notamment Maxime Gorki, se présenta au ministère de l'intérieur. Elle fut renvoyée au ministre adjoint, qui déclara ne pouvoir rien lui promettre. Les délégués se rendirent ensuite chez M. de Witte, qui les reçut avec une grande affabilité mais qui déclara ne pouvoir rien faire pour eux. Il offrit cependant de téléphoner au prince Mirsky pour lui demander s'il consentirait à recevoir les délégués.

On entendit la voix de M. de Witte, demandant à plusieurs reprises : « Mais n'avez-vous aucune crainte pour demain ? » Puis, la conversation finie, il dit aux délégués : « Le prince ne veut pas vous recevoir ce soir ; mais il vous verra demain à midi et demi si vous le voulez. » Les délégués refusèrent et rendirent compte de leur mission dans une réunion qui déclara qu'on avait tout fait pour éviter une effusion de sang.

Le pope Gapon

L'effectif de l'armée et les forces de l'insurrection. — Est-ce une révolution politique ou une grève ?

L'autorité du pope Gapon, en dépit des sanctions religieuses qui viennent, dit-on, de le frapper, demeure entière, absolue, sur ces milliers d'âmes simples, dont il a traduit en forme de revendications politiques la plainte douloureuse.

Peu à peu, de la confusion des dépêches, cette physionomie de prêtre ouvrier, social et socialiste, qui a surgie

Фотокопия швейцарской газеты „La Suisse“
с сообщением о революции в России

Дом № 17 по улице де Де-Пон

Горная деревушка Верлеглиз

Верлеглиз

Могила Фердинанда Лассаля

Надгробие на могиле Фердинанда Лассаля

тщеславия и чванства, вступавший и в компромиссы с господствующими силами, захваченный любовными приключениями, безрассудный и азартный игрок, противник Маркса, являл собой разительный контраст почти пуританской, скромной, целеустремленной и исключительно дисциплинированной натуре Ленина и его логически ясной и строго продуманной деятельности, подчиненной единой всепоглощающей цели! Какой колоссальный контраст внутри социалистического движения!

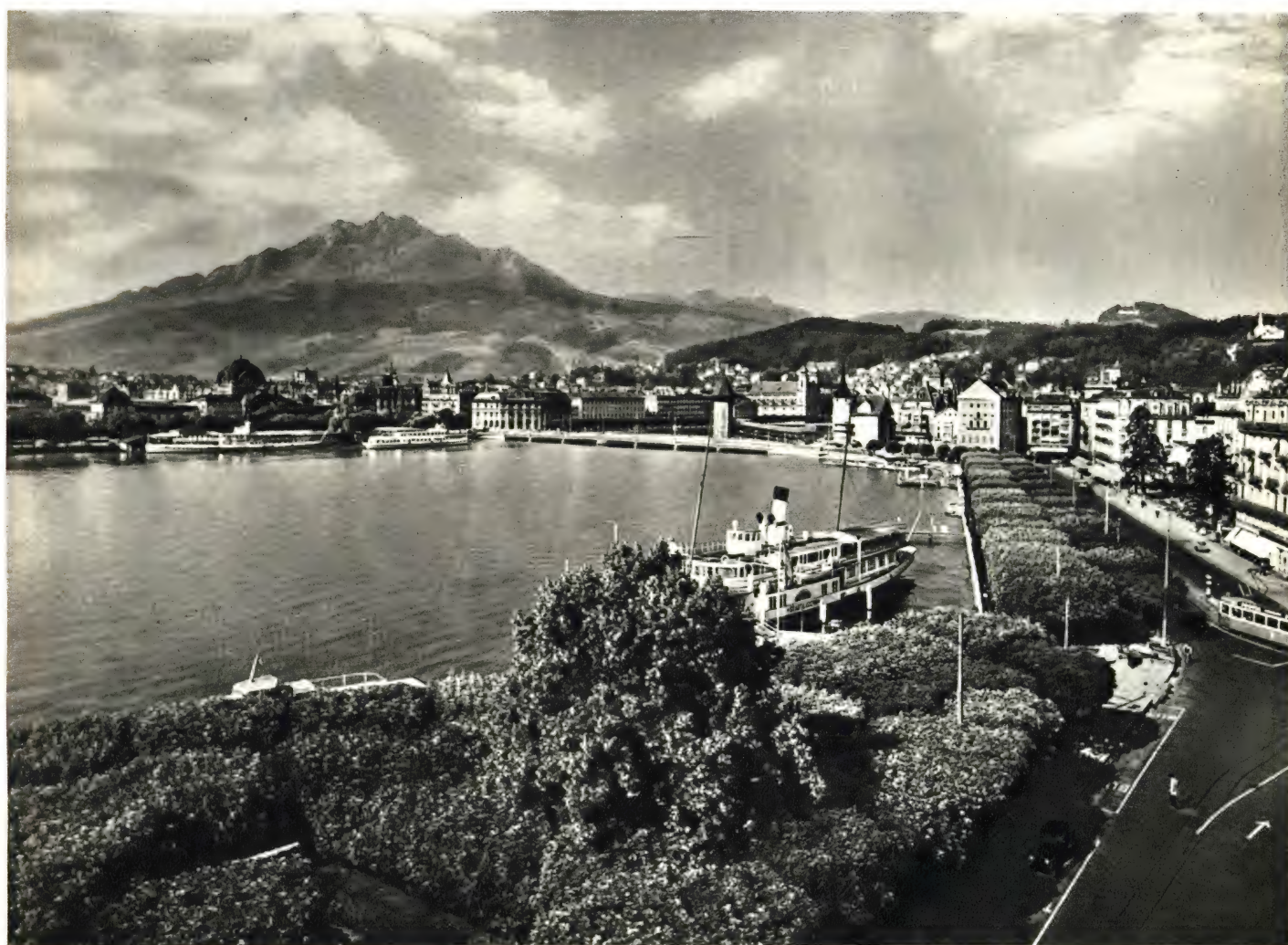
В сентябре Ленин покинул узкую комнатку на улице де Де-Пон и снял маленькую скромную квартирку из двух комнат в квартале Плэнпале на улице де Марэше, 61. Здесь он закончил свой исключительно важный для дальнейшего развития диалектического материализма труд „Материализм и эмпириокритицизм". В этой книге Ленин разделался с философскими идеалистами прошлого и идеалистами 900-х годов — махистами и позитивистами — и дал совершенно новое и более широкое толкование понятия материи. Гениальная прозорливость его слов, написанных тогда, в 1908 году, целиком и полностью подтвердилась спустя пятьдесят лет: „Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм"[1]. И в самом деле, современная атомная физика есть не что иное, как познанная людьми действительность, представляющая собой вечно движущуюся в борьбе противоположностей материю.

По настоянию многих товарищей Ленин направился 12 (29 ноября) декабря 1908 года в Париж, чтобы продолжить там борьбу за партию и прежде всего укрепить ее идеологически и организационно. Однако Париж — это вовсе не Женева! Правда, жизнь здесь многограннее, связи шире, русская эмигрантская колония больше; и все же Париж — это не Женева, и Ленин справедливо отмечал: „Не раз мы вспоминали Женеву, где работалось лучше, удобная библиотека, менее нервна и бестолкова жизнь. Из всех мест моего скитанья я бы выбрал Лондон или Женеву, если бы оба не были так далеко. Женева особенно хороша общей культурностью и чрезвычайными удобствами жизни"[2].

Правда, Ленин часто бывал в Швейцарии: осенью 1911 года он выступал в Женеве, Берне и Цюрихе с докладами перед своими единомышленниками, а после одного из совещаний в Цюрихе он даже поднимался на возвышающийся на 2000 метров Пилат, скалистую гору возле Люцерна, всемирно известную из-за видов, открывающихся с его вершины. В конце июня он провел несколько недель в Берне, где известный хирург и ларинголог профессор Кохер сделал операцию щитовидных желез у Надежды Константиновны Крупской.

Начало войны, июль — август 1914 года, застало Ленина в принадлежавшем тогда Австрии Кракове (точнее, в предместье Кракова—Поронино. —*Ред.*),

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 299.
[2] В. И. Ульянов (Ленин), Письма к родным, Партиздат, 1934, стр. 402.

Марэше, 61

Гора Пилат

Bern, Montag
3. August 1914

Redaktion: Effingerstraße 1
537 Telephon 537

Verlag: H. Jent & Co.

Der Bund

Organ der freisinnig-demokratischen Politik
Eidgenössisches Zentralblatt und Berner Zeitung

Morgenblatt
55. Jahrgang

Expedition. Effingerstraße 1
656 Telephon 656

Inserate: Haasenstein & Vogler

Abonnementspreise: Bern-Stadt: halbjährlich Fr. 8, vierteljährlich Fr. 4 Schweiz: Zweimalige Ausgabe halbjährlich Fr 10, vierteljährlich Fr. 5; beide Blätter in einer Spedition halbjährlich Fr. 8.50, vierteljährlich Fr. 4.30
Postabonnemente: Deutschland: vierteljährlich Mk. 4.05; Oesterreich: Kr 6.12 bei einmaliger, Kr. 8.10 bei täglich zweimaliger Zustellung; Italien: Lire 5.15 per Vierteljahr, Lire 9.90 per Halbjahr, Lire 19.50 für das ganze Jahr; Rußland: per Vierteljahr Rubel 3.20 inkl. Zustellungsgebühr.

Nr. 358

Abonnementspreise für alle übrigen Staaten des Postvereins: halbjährlich Fr. 24, vierteljährlich Fr. 12, monatlich Fr 4 bei täglicher direkter Kreuzband-Zusendung. Man abonniert direkt bei der Expedition des „Bund", Einsendung des Betrages durch Postanweisung. — Insertionspreis für die Schweiz 25 Cts. die siebengespaltene Kolonelzeile oder deren Raum; für das Ausland 30 Cts. Reklamepreis Fr. 1 die Petitzeile. — Annoncenregie: Haasenstein & Vogler in Bern und deren Filialen im In- und Auslande.

Kriegserklärung — Mobilisation

Die deutsche Mobilmachung

Bern, 2. d. Wie man uns mitteilt, ist auf der deutschen Gesandtschaft in Bern die Nachricht eingetroffen, daß die allgemeine Mobilmachung angeordnet ist. Erster Mobilmachungstag: Sonntag, 2. August.

Die Mobilisierung in Frankreich

Paris, 2. d. (Amtlich.) In Frankreich ist die allgemeine Mobilmachung angeordnet. 1. Mobilmachungstag: Sonntag, 2. August. Die in den östlichen und nordöstlichen Departements ansässigen Ausländer haben Befehl erhalten, diese sofort zu verlassen.

Deutsch-russische Kriegserklärung

Paris, 2. d. Aus Petersburg wird unterm 1. August, 10 Uhr 28 abends, gemeldet: Der deutsche Botschafter hat im Namen seiner Regierung am Samstag, abends halb 8 Uhr, dem Minister des Auswärtigen die Kriegserklärung überreicht.

Die internationale Lage

Letzte Hoffnungen

Paris, 2. d. Die Minister versammelten sich am Samstag vormittag. Die Sitzung dauerte bis 1 Uhr. Sie war einem Meinungsaustausch über die Lage gewidmet. Eine neue Sitzung sollte um 4 Uhr stattfinden. Viviani und der deutsche Botschafter hatten am Samstag vormittag eine Besprechung, der am Nachmittag eine zweite folgte. Diese Unterredung scheint darauf hinzudeuten, daß noch nicht jede Hoffnung auf Verständigung vollständig verloren ist. Immerhin ist die Lage ernst.

London, 2. d. (Verspätet.) Aus amtlicher Quelle ...

Eine Unterredung zwischen dem französischen Ministerpräsidenten und dem deutschen Botschafter

Paris, 2. d. (Havas.) Wie von verschiedenen Seiten berichtet wird, bemerkte Viviani am Samstag nachmittag dem deutschen Botschafter gegenüber zu Beginn der Unterredung: Sie mobilisieren, wir wissen das. Da von Schön hierauf schwieg, fuhr Viviani fort: Diese Haltung Ihrer Regierung diktiert uns die unserige und zwingt uns zu Vorsichtsmaßnahmen, die den Ihrigen entsprechen. Unsere friedliche Haltung bleibt unverändert. Wir wünschen den Frieden, und der beste Beweis, den ich Ihnen geben kann, ist der, daß das französische Parlament bis zur Stunde noch nicht einberufen ist ...

... chischen Grenze Vorsichtsmaßregeln ergriffen hat, ist eine irreführende und durch die Ereignisse längst widerlegte Behauptung. Die Gesamtmobilisierung war befohlen und im Gange, ehe Deutschland das Ultimatum stellte. Der russische Angriff auf deutsches Gebiet erfolgte, ohne daß das Ultimatum beantwortet wurde, also mitten im Frieden. Die Ereignisse stehen in flagrantem Gegensatz zu den Friedensversicherungen der russischen Regierung.

Der deutsche Reichstag zusammenberufen

Berlin, 2. d. Der Kaiser hat die Einberufung des Reichstages für den 4. August angeordnet.

Deutsche Schiffe verlassen englische Häfen

Die Proklamation der französischen Regierung

Frankreich setzt die diplomatischen Bemühungen fort

Paris, 2. d. (Havas) Der Präsident der Republik und die Mitglieder der Regierung beschlossen folgenden Aufruf an die französische Nation zu richten: Seit einigen Tagen hat sich die Lage in Europa beträchtlich verschlimmert. Trotz den Anstrengungen der Diplomatie hat sich der Horizont verfinstert. Zur gegenwärtigen Stunde mobilisieren mehrere Nationen ihre Streitkräfte. Selbst Länder, die durch die Neutralität geschützt sind, haben geglaubt, diese Maßregel aus Vorsicht ergreifen zu müssen. Mächte, deren konstitutionelle oder militärische Gesetzgebung nicht der unsrigen gleicht, haben ...

Фотокопия вырезки из газеты „Der Bund“ с сообщением об объявлении Германией войны России и мобилизации в Германии и Франции

куда Ленин переселился из Парижа, чтобы быть поближе к России. С большим трудом ему удается уйти от военно-полевого суда по обвинению в шпионаже, с большими трудностями, совершенно без средств он добирается до нейтральной Швейцарии. 5 сентября он прибыл в Берн, где оставался некоторое время. Он не хотел возвращаться в Женеву, где все были заняты только дискуссиями; прежде всего он хотел поработать и самым тщательным образом продумать сложившуюся в Европе обстановку, и особенно положение в России. Одно было ему ясно: эта мировая война приближает пролетариат, в особенности русский пролетариат, к революции. Чем же были заняты социал-демократические партии? Какую позицию заняли они по отношению к этой войне? Ленинский тезис гласил: превращение этой войны — империалистической войны между капиталистическими державами — в войну гражданскую. В начале сентября он наконец выдвигает этот лозунг перед восемью своими товарищами-большевиками.

Это было совсем малое начало великого всемирного дела!

В Берне он и хотел поработать над этим делом. Берн был спокойным местом, правда, это было типично мелкобуржуазное спокойствие: „Берн — город административно-учебного характера по преимуществу. В нем много хороших библиотек, много ученых сил, но вся жизнь насквозь пропитана каким-то мелкобуржуазным духом. Берн очень „демократичен" — жена главного должностного лица республики трясет каждый день с балкончика ковры, но эти ковры, домашний уют засасывают бернскую женщину до последних пределов", — писала по этому поводу Надежда Крупская[1].

В то же время Берн был центром расположенной в сердце воюющей Европы нейтральной Швейцарии. Берн, столица страны и резиденция федерального правительства, находился на границе между французской и немецкой частью Швейцарии, был французским по своей городской культуре и немецким по происхождению и языку. С размеренным ритмом жизни, чуждый лихорадочной спешке, известный своей респектабельностью, вошедшей в поговорку, этот город гордился своей славной историей. Немало своеобразия этому городу на Ааре, славящемуся красивыми узкими уличками, башнями, фонтанами, высокими мостами, расположенному среди огромных лесов, вблизи Альп, сияние снежных вершин которых достигает окон особняков местной знати, придавал и окружающий его сельский ландшафт, обитатели которого и их усадьбы вошли в мировую литературу благодаря описаниям Иеремии Готтхельфа, этого швейцарского Толстого.

Итак, здесь жил и работал теперь Владимир Ильич Ленин, скромный, но сильный духом человек небольшого роста и очень простой внешности. Здесь работал этот русский эмигрант, поставивший перед собой цель познакомить

[1] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 251.

Берн

Доннербюльвег, 11а

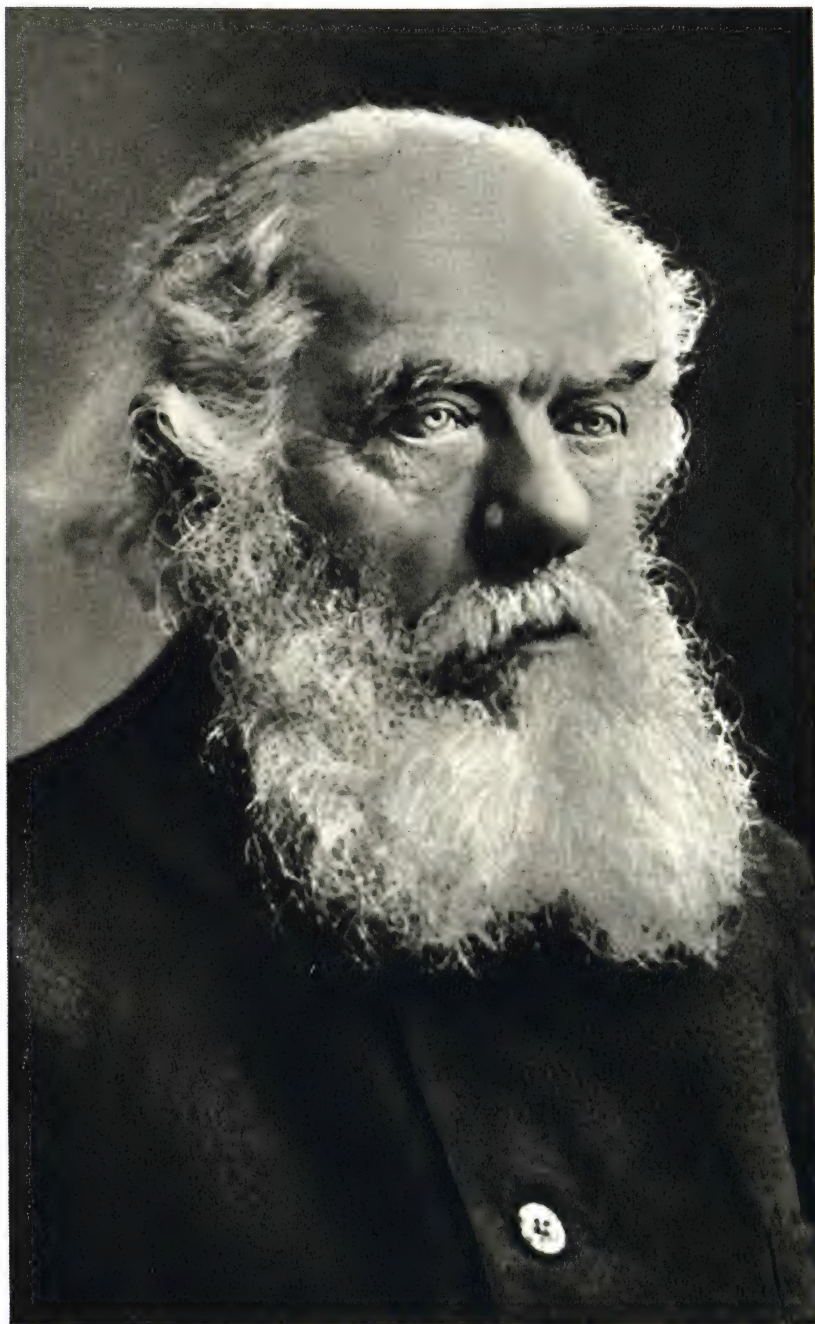
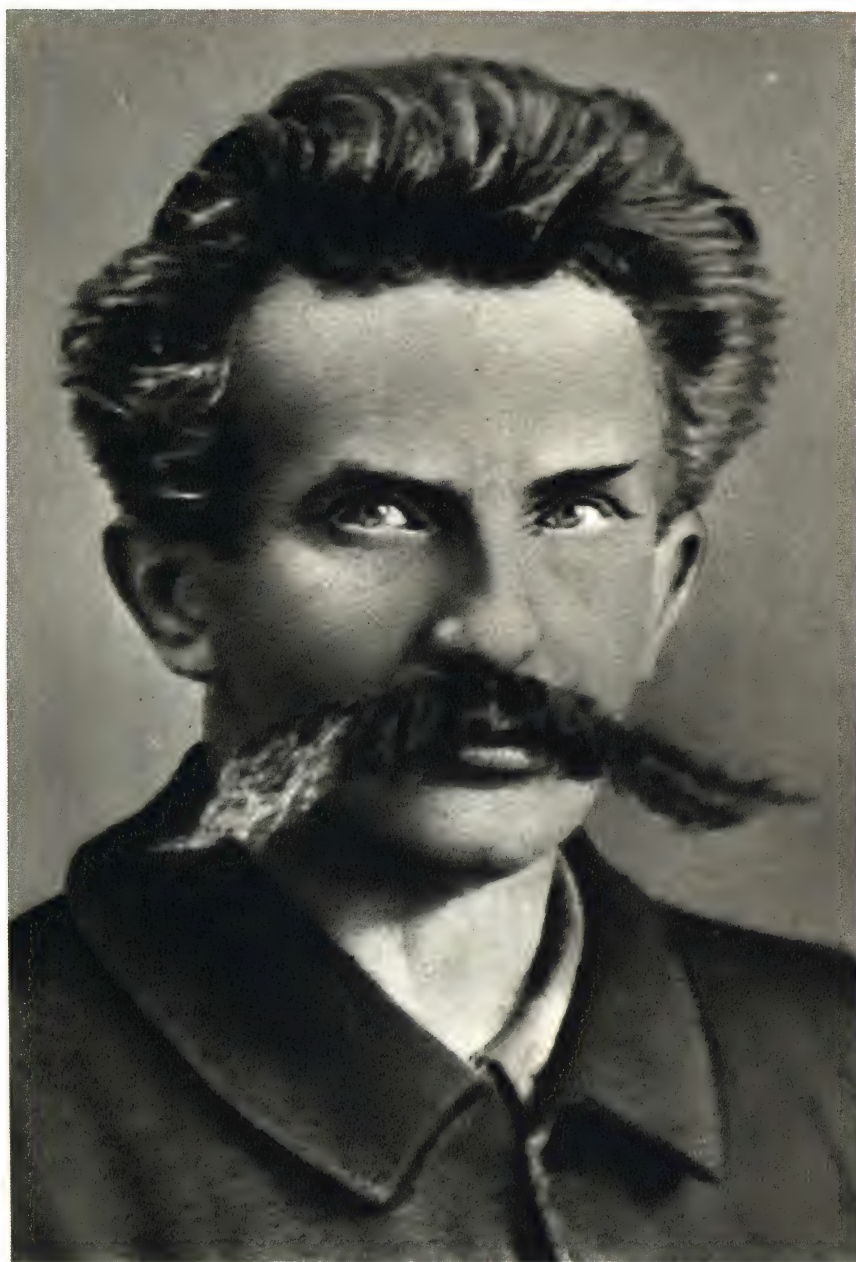
европейский пролетариат, столь позорно преданный своими политическими лидерами в начале войны, со своими смелыми, радикально-революционными тезисами. Удастся ли прорубить непроходимую чащу оппортунизма и реформизма? Удастся ли добиться создания нового, действительно революционного союза социалистов?

Первая встреча с Робертом Гриммом, одним из лидеров швейцарских социал-демократов и главным редактором „Бернер Тагвахт", газеты бернских социалистов, оказалась безрезультатной. 11 октября 1914 года Ленин выступил в Лозанне против Плеханова, пытавшегося в своем докладе оправдать участие России в войне. Спустя три дня он вновь выступал публично в лозаннском Народном доме, а 15 октября — в Женеве; 16 октября в Берне он узнал, что Центральный Комитет в России присоединился к его тезисам. 160 швейцарских франков, остававшихся еще в партийной кассе, были употреблены на выпуск первого номера (или №33 с начала выхода) восстановленной газеты „Социал-Демократ".

Ленин, помимо того, занимается в этот период философией, штудируя особенно Гегеля и Фейербаха; живет он очень скромно, вначале на улице Доннербюльвег, 11-а, а затем на Дистельвег, 11, на окраине города, возле огромного Бремгартенского леса, изобилующего прекрасными местами для прогулок. Он навещает товарищей, участвует в веселых играх с их детьми, устанавливает связи с руководителями швейцарской социал-демократии Нэном и Грабером, Грейлихом и Гриммом, Нобсом и Платтеном и другими. Он неустанно пишет в Россию письма, путь которых зачастую бывал очень сложен и труден.

Но Ленин уже более не одинок в своем выступлении против войны: французы Ромэн Роллан, а затем и Анри Барбюс, немцы Карл Либкнехт и Отто Рюле, Франц Меринг и Клара Цеткин, полька Роза Люксембург, депутаты-большевики Государственной думы — все они солидаризуются с ним; во мраке ночи начинает медленно заниматься утренняя заря. 31 мая в „Бернер Тагвахт" было опубликовано воззвание Карла Либкнехта, а немного погодя было сообщено о выходе нового русского журнала, носившего выразительное и гордое название „Коммунист". Дело шло вперед!

В связи с новым заболеванием жены, которой врачи предписали пребывание в горах, Ленин и Крупская покинули на несколько недель Берн, чтобы отдохнуть в отдаленной деревушке Сöренберг. Это одинокое, заброшенное местечко в глубине горной долины Малой Эммы, расположенное в районе Энтлебух (кантон Люцерн) на северном склоне Бринзского Ротхорна и окруженное высокими скалами—крутым и отвесным Шраттенфлу, Нюнальпштоком и Бринзергратом, — было населено бедными крестьянами-горцами, испокон века влачившими трудное и скудное существование, еще носившее все черты средневековья. Флюли, в границах которой находилась деревушка, была по своим размерам крупнейшей

Дистельвег, 11

Грейлих

Нэн

Проф. Кохер

Бринзский Ротхорн

Сöренберг

Сöренберг

общиной кантона, но также, что весьма характерно, и беднейшей. Полузасыпанный снегом в течение многих недель в зимнюю пору, Сёренберг летом предоставлял непритязательным туристам — а чета Ульяновых и была непритязательной в быту — полный покой и горное уединение. Крупская писала в своих воспоминаниях: „В Сёренберге устроились мы очень хорошо, кругом был лес, высокие горы, наверху Ротхорна даже лежал снег. Почта ходила со швейцарской точностью. Оказалось, в такой глухой горной деревушке, как Сёренберг, можно было бесплатно получать любую книжку из бернских или цюрихских библиотек... В Сёренберге заниматься было очень хорошо“[1].

Наступила середина 1915 года. Война, окончания которой большинство ожидало еще к рождеству 1914 года, неумолимо продолжалась, более того, она становилась, судя по всему, еще более кровавой и всеохватывающей: погибли уже миллионы людей, а бедствия народов все возрастали. Что же делали социалисты? „Под давлением необходимости, но отнюдь не по доброй воле“ в Берне созывается наконец нечто вроде международной подготовительной конференции, на которую явно нерешительно и лишь в последнюю минуту приглашаются и русские большевики. 11 июля открылась дискуссия, в которой приняли участие всего 7 человек. До конца, однако, не договорились... На 5 сентября была намечена новая, на этот раз настоящая, конференция.

И эта конференция состоялась: она вошла в мировую историю как Циммервальдская конференция. Местом конференции был избран Циммервальд, маленькая нарядная деревенька, скорее даже поселок, в двух часах ходьбы от Берна, расположенный среди чудесных, сочных лугов и небольших перелесков, за которыми вдали открывался вид на снежные вершины Бернского нагорья. Сам Ленин поселился в типично бернском крестьянском домике с двумя деревянными верандами, окруженном фруктовым садом. Как и все дома в бернской округе, он выглядел чисто и опрятно.

На конференцию прибыло 38 социалистов, в том числе 8 русских и 4 швейцарца, последние, правда, без официальных партийных мандатов. Левая группа насчитывала 8 человек, правая — 23, остальные составляли неустойчивый центр. В итоге ожесточенной дискуссии был принят манифест большинства, к которому примкнул и Ленин, чтобы конференция не оказалась безрезультатной. Однако единства по-прежнему не было, и самим процессом исторического развития была создана ленинская группа — Циммервальдская левая. Эта группа распространяет после конференции свое заявление и свой проект манифеста как „первое выступление *ядра левых* социал-демократов *всех* стран, имеющих ясный, точный, полный *ответ* на вопрос, что́ делать и куда идти“[2].

[1] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 248.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 164—165.

Циммервальд

Циммервальд

Ленин жил в типичном бернском крестьянском доме

Базель

Зейденвег, 4а

„Иоганнитерхоф“

Народный дом в Берне

Этот манифест Циммервальдской левой был затем нелегально распространен в Германии, Франции и России.

Ленин вновь возвращается в Сёренберг, а несколько позднее приезжает в Берн, где снимает очень скромную комнату на улице Зейденвег, 4а. Он постоянно в разъездах — то в Женеве, то в Базеле, где он выступает в „Иоганнитерхофе" перед русскими эмигрантами и студентами и говорит о будущем их родины, то опять в Цюрихе... Малочисленность слушателей, неудобства поездок и дешевых гостиничных номеров, зачастую бесполезные хождения и нередко утомительные, затяжные дискуссии — ничто его не останавливает, ничто не кажется ему незначительным.

И наряду с этим (легко сказать — наряду) он пишет один из важнейших научных трудов о современной ему эпохе — „Империализм, как высшая стадия капитализма", книгу, которой суждено было развить и углубить марксизм как реальную перспективу человеческой истории.

Ленин неуклонно развивал свою деятельность: он вел полемику с центристами и правыми в Швейцарии и Европе, посылал директивы русским товарищам в подполье, занимался научными изысканиями... Чтобы теснее быть связанным с рабочим классом — в Берне не так много было рабочих — и иметь под рукой большее количество литературы, он покидает Берн и хочет избрать местом своего жительства экономическую столицу страны, центр швейцарского финансового капитала и одновременно рабочего движения — Цюрих.

Как бы прощаясь с Берном, он выступил еще раз в Народном доме на собрании, созванном социал-демократической партией. Собрание состоялось в заключение расширенного заседания „Интернациональной социалистической комиссии" и прошло под председательством Роберта Гримма. После итальянца Модильяни слово, как представитель России, получил Ленин, вновь развивший программу Циммервальдской левой. Своей ясностью и выразительностью его выступление резко отличалось от фразеологических заявлений прочих ораторов и произвело огромное впечатление на собравшихся.

Затем он отправился в Цюрих. В 1916—1917 годах этот город походил на кипящий котел: эмигранты, лица, уклоняющиеся от военной службы, дезертиры из всех стран, спекулянты и аферисты почти из всех городов, бунтующие художники и литераторы, интеллигенты всевозможного рода и самых различных мировоззрений — все они находили здесь возможность выдвинуть свои как осуществимые, так и немыслимые проекты и планы. В бесчисленных кафе и ресторанах, на широкой и респектабельной Вокзальной улице, в узких переулках Старого города, вдоль берега Лиммата, в рабочих кварталах — повсюду шли дискуссии и совершались спекулятивные махинации, заключались сомнительные сделки, составлялись художественные, философские, политические и экономические

Цюрих

Zürich, den 18. April 1916.

Polizeivorstand d. Stadt Zürich
Gesch. Verzeich. 1638
Eing.: 19. IV. 16

Tit.

Polizeivorstand der Stadt

Z ü r i c h.

Jch gelange an Sie mit dem höfl. Ersuchen, mir die Erlaubnis zu erteilen, mich in Zürich ohne gültige Ausweispapiere aufzuhalten. Jch habe eine Aufenthaltsbewilligung für die Stadt Bern bis zum 25. Januar 1917. Die Gemeinde Bern könnte also für evt. Unkosten, die die Stadt Zürich durch meinen Aufenthalt hätte, belangt werden. Jch arbeite an einem Buche und benötige noch einiger Monate Frist, um die Zürcher Bibliotheken benutzen zu können.

Achtungsvoll Wl. Ulianow

Spiegelgasse 14.II.

N.B. Namens der Bürgschaftskommission der Sozialdem. Partei der Schweiz erklärt der Unterzeichnete, für evt. Schäden der Stadt wegen obgenannter Bewilligung in vollem Umfange zu haften.

Achtungsvoll

Fritz Platten

Sekretär

Volkshaus.

Sozialdemokratische Partei der Schweiz
Geschäfts-Leitung

2 Beilagen

Für den Vorstand der Polizeiverwaltung

19. IV. 1916

Фотокопия заявления Ленина полицейскому управлению г. Цюриха с просьбой разрешить ему пребывание в городе без оформленных документов для работы над книгой

Цюрих

манифесты, сочинялись серьезные и просто гротескные памфлеты. Там гастролировало кабаре „Дада", чтобы низвергнуть мир европейского обывателя, здесь выступали теоретики „свободных денег", дабы обуздать капиталистический хаос, а проповедники пан-Европы агитировали за создание абстрактного государства — монстра...

Этот город отличала совершенно особенная атмосфера: вечного беспокойства, постоянного стремления к новому, дававшего о себе знать решительно и напористо. По сути же дела, это был маленький провинциальный городок с замашками большого города, пуританских нравов и тем не менее с бьющей через край жизнью, полный противоречий, захватывающих как тесные и душные кварталы Старого города, так и помпезные банковские кварталы, убогие рабочие жилища в промышленном квартале и комфортабельные особняки и образцовые парки у подножья Цюрихберг и на берегу озера. Этот город служил приютом для бесчисленных пришельцев со всех кантонов Швейцарии и из всех стран Европы; это был город деловой активности, правда слишком часто впадавший в суету ради самой суеты. Как отличался он от уравновешенного Берна, от аристократичной Женевы!

Ленин находит вскоре комнату на Шпигельгассе, 14[1], в центре Старого города на правом берегу Лиммата. Это была кривая мрачная уличка, связывавшая Гросмюнстер и Лиммат с Новым рынком. Квартира была заселена простыми, большей частью бедными людьми, рабочими и ремесленниками с многодетными семьями. Ульяновы сняли комнату у сапожника Каммерера, обыкновенного мелкого ремесленника, отличавшегося, как и его жена, немалым запасом здравого смысла. В своих „Воспоминаниях" Надежда Константиновна писала позже: „Комната была не очень целесообразная. Старый мрачный дом стройки чуть ли не XVI века, двор вонючий. Можно было за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Семья была рабочая, революционно настроенная, осуждала империалистскую войну. Квартира была поистине „интернациональная": в двух комнатах жили хозяева, в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, и однажды, когда около газовой плиты собрался целый женский интернационал, фрау Каммерер возмущенно воскликнула: „Солдатам нужно обратить оружие против своих правительств!" После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату"[2].

---

[1] Ныне, спустя 40 лет, уличка эта выглядит иначе, так как одна сторона домов была снесена, чтобы дать ей больше простора.

[2] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 257.

Часть дома, где жил Ленин

Шпигельгассе, 14

Мемориальная доска на доме № 14, по улице Шпигельгассе, где жил Ленин с 21 февраля 1916 года по 2 апреля 1917 года

Fragebogen

für den Deserteur oder Refraktär:

1. Name: Uljanow Vorname: Wladimir
2. Geburtsort: Rußland, Stadt Simbirsk
3. Geburtsdatum: 1870, d. 10 April
4. Heimatort: Rußland Stadt Simbirsk
5. Letzter Aufenthaltsort im Heimatstaat: Petersburg
6. Zivilstand: Verheiratet

Wenn verheiratet:
Name der Ehefrau: Nadeshda Uljanowa (geborne Krupskaja)

Geburtsort und Geburtsdatum: Petersburg, 14 Febr. 1869

Heimatort der Ehefrau vor der Verehelichung: Petersburg

Zahl der Kinder: Keine

Name: — Geburtsort: — Geburtsdatum: —

Wo sind die Frau und Kinder? Kinder keine. Frau wohnt hier, mit uns

7. Beruf: Rechtsanwalt (Journalist und Schriftsteller)

Arbeitsverhältnis: Litterarische und journalistische Arbeit für Petrograder Verlage und Revuen

Vermögen: Keins

8. Gegenwärtiger Aufenthaltsort: Zürich, I. Spiegelgasse 14 II
9. Zeitpunkt der Desertion oder Nichtstellung zum Heeresdienste:

Ich bin weder Deserteur noch Refraktär

10. Zeitpunkt der Ankunft in der Schweiz und im Kanton des gegenwärtigen Aufenthaltsortes:

In die Schweiz (Kant. Bern) angekommen Anfang September 1914.
Nach Zürich gekommen in Februar 1916.

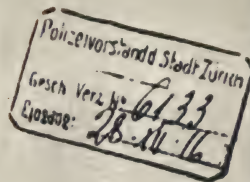
Aufenthaltsorte und Aufenthaltsdauer in der Schweiz seit der Geburt:

In Genf 1903-1905 und 1907-8

Bemerkungen: Ich bin kein Deserteur, kein Refraktär, sondern politischer Emigrant seit der Revolution 1905.

Zürich, d. 4 Jan. 1917. Uljanow Wladimir

Фотокопия анкеты, заполненной Лениным как эмигрантом, в которой он отмечал, что он не дезертир, не уклоняется от военной службы, а политэмигрант после революции 1905 года

Polizeivorstand d. Stadt Zürich
Gesch. Verz. № 6133
Eingang: 28. XII. 16.

An den Tit.
Polizeivorstand
der Stadt Zürich

Ich habe die Ehre zu ersuchen meine Aufenthaltsbewilligung verlängern (bis zum 31 Dez 1917) zu wollen. Die Barkaution, einhundert (100) Frs. ist von mir heute eingezahlt (Sparheft № 611.361 der Zürcher Kantonalbank) und in der Kanzlei des Finanzwesens der Stadt Zürich (Zimmer № 181) deponiert worden.

Hochachtungsvoll
Wladimir Uljanow

Zürich, den 28 Dezember 1916

Spiegelgasse 14 II Zürich I

Фотокопия заявления Ленина полицейскому управлению г. Цюриха с просьбой о продлении срока пребывания в городе

Ich Ulianow Wladimir
(Name)
Wohnung: Spiegelgasse 14 II
habe am 2. XII 1916 für vier Wochen
aus der Bibliothek der Z. f. s. L. d. S. entlehnt
(Autor und Titel angeben)

Jugend-Internationale

N 1—5

Фотокопия требования на № 1—5 журнала „Югенд-Интернационале“, взятого Лениным в библиотеке „Центрального ведомства общественно-политической литературы“

Каммерер

Старый город (Альтштадт)

Центральная библиотека

К достоинствам хороших хозяев добавилось еще и преимущество благоприятного месторасположения: Шпигельгассе находилась в нескольких минутах ходьбы от Центральной библиотеки (объединения Городской и Университетской библиотек), от библиотеки Музейного общества и от читального зала „Центрального ведомства общественно-политической литературы" (нынешнего Социального архива), то есть в самом сердце духовных центров, которые Ленин посещал почти ежедневно, чтобы работать и следить за важнейшими книжными новинками, просматривать свежие газеты и журналы.

Ленин развивает свою социалистическую деятельность и как теоретик и как практик: он подготавливает вторую Циммервальдскую конференцию, которая происходит теперь уже в иной обстановке, нежели первая: уставшие от войны народы волнуются, рабочие массы бастуют и бунтуют. На пасху, с 24 по 30 апреля 1916 года, в Кинтале собрались представители многочисленных социалистических партий и групп; социал-демократическая партия Швейцарии была представлена на этот раз официально.

Кинталь был небольшим, глухим местечком на Бернском нагорье, в долине бурного горного ручья Кинбаха, впадавшего в Кандер, а затем в Тунское озеро. Вокруг были высокие скалистые горы — Герихорн, Веттерлатте и Драйшпиц, каждая свыше 2000 метров высотой, а вдали, завершая долину, вздымались снежные вершины Блюмских Альп и Гзпалтенхорна. В поселке было всего лишь несколько крестьянских домов и кафе. В гостинице „Бэрен" („Медведи"), самой большой гостинице местечка, собралось несколько десятков человек, чтобы обсудить вопрос о скорейшем окончании войны и о возможном начале революции. Их было около 40—50 человек, и в отличие от первой конференции левую группу частично поддерживал центр. Результаты конференции были также определеннее, нежели в Циммервальде, они были яснее и давали более четкую перспективу; и, конечно, не случайно, что Ленин оказался в центре конференции, стал вождем — провозвестником грядущего нового мира. Работа неуклонно продолжалась далее...

Надежда Константиновна Крупская в это время вынуждена была вновь по болезни отправиться в горы. В нижней части долины Роны, над курортом Бекс, среди лугов и лесов ваадтских Альп, на окраине одной из деревень, Ульяновы нашли простенький летний домик с примитивным очагом и без колодца (воду надо было носить с родника). С 1 июля вплоть до середины августа они находились здесь, в Мон-сюр-Бексе, как раз у подножья 3000-метрового Муверана, откуда открывался чудесный вид на долину Роны и дальний конец Женевского озера.

Необходимость в дополнительном лечении заставляет их затем побывать во Флумских горах, совершенно ином альпийском крае— более суровом, с могучими крутыми горами и узкими ущельями, а главное, более романтичном, нежели Мон-сюр-Бекс, казавшемся почти классическим с его просторами и бесконечными

BENZIN
Backerei Konditorei
J. Zurbrugg
Touristenproviant

Кинталь

Вывеска гостиницы „Бэрен“

Гостиница „Бэрен“

далями. Вдали виднеются горы Гларнера и Граубюнднера, прямо перед тобой, глубоко внизу, расположено темное, часто бурное Валенское озеро с его поистине самобытной панорамой скал Хурфирстена, этой действительно грандиозной горной цепью, прикрывающей Тоггенбург с юга и почти отвесно, с высоты 2000 метров, обрывающейся в озеро. Вдоль берега озера, через туннели и теснины, вьется международная железнодорожная линия из Вены и Арльберга в Цюрих и Базель; по этой дороге в свое время проходили когорты древних римлян, направлявшихся из Ломбардской низменности через Септимский и Юльевский перевалы в Германию; об этом свидетельствуют сохранившиеся еще здесь латинские названия: Терцен, Квартен, Квинтен.

Ленин с женой остановились в скромном пансионе „Чудивизе", где каждый день пребывания стоил им лишь пять швейцарских франков; отсюда они совершали дальние прогулки по горам и долам, собирая грибы и ягоды.

Вспоминая о том хорошем, радостном времени, Н. Крупская писала в своих „Воспоминаниях": „Комната наша была чистая, освещенная электричеством, безобстановочная, убирать ее надо было самим, и сапоги надо было чистить самим. Последнюю функцию взял на себя, подражая швейцарцам, Владимир Ильич и каждое утро забирал мои и свои горные сапоги и отправлялся с ними под навес, где полагалось чистить сапоги, пересмеивался с другими чистильщиками и так усердствовал, что раз даже при общем хохоте смахнул стоявшую тут же плетеную корзину с целой кучей пустых пивных бутылок"[1].

Внизу, на равнине, в городах, на театрах военных действий — повсюду в Европе жизнь была шумной и бурной; тишина же этого заброшенного горного мира „Чудивизе" являла собой резкий контраст с жестокой действительностью. При таких условиях невозможно было слишком долго отдыхать, нет, необходимо было активно действовать и двигать дело вперед. Жизнь требовала присутствия Ленина в Цюрихе, требовала более тесного контакта с рабочим классом, с товарищами в России, требовала усиленных занятий. Он вновь останавливается у сапожника Каммерера, вновь ежедневно посещает библиотеки, не устает писать письма, выступает перед друзьями и противниками. И если случается, что раз в неделю, после обеда, библиотека оказывается закрытой, он поднимается на Ютлиберг, господствующий над Цюрихом, подобно Салеву над Женевой. Ленина никак нельзя назвать сухим книжником и схоластическим спорщиком, он восторженный любитель природы и прогулок; взбираясь на Ютлиберг с его превосходными лесами, великолепным видом на город и озеро, на далекие просторы на севере и западе и на Альпы на юге и востоке, он находит прекрасный отдых. И тем не менее он никогда не забывает при этом захватить с собой книги и брошюры.

[1] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 263.

„Хурфирстен“

Валенское озеро

Флумские горы

„Чудивизе“

„Чудивизе“

Ютлиберг

Цюрих

Internationale Flugblätter (I. F.) Nr. 1

November 1915 Preis 10 Cts.

Die

Zimmerwalder Linke über die Aufgaben der Arbeiterklasse

Zur Einführung.

Im September 1915 fand in Zimmerwald eine Konferenz sozialistischer Parteien, Gewerkschaften und Gruppen aus Deutschland, Frankreich, Italien, Russland, Polen, Lettland, Bulgarien, Rumänien, Schweiz, Holland, Norwegen und Schweden statt, die über den Kampf gegen den Krieg beriet. Sie erliess ein einstimmig angenommenes *Manifest,* eine Solidaritätserklärung mit den Opfern des revolutionären Kampfes gegen den Krieg, und setzte eine *Internationale Sozialistische Kommission mit Sitz in Bern* ein, die die Beziehungen zwischen den ihr angeschlossenen Parteien aufrechterhalten, ihren Kampf gegen den Krieg vereinheitlichen soll. Den Beschlüssen der Konferenz traten später die unabhängige Arbeiterpartei Englands, die sozialistische Partei Portugals, die Kreisorganisation Haute-Vienne in Frankreich und andere Organisationen bei.

Die Konferenz von Zimmerwald leitet den *Wiederaufbau* der Internationalen, die *Wiederaufnahme des Kampfes* um die Interessen der Arbeiterklasse, um den Sozialismus ein. Indem wir das mit Freude begrüssen, können wir jedoch nicht umhin, die internationale Arbeiterklasse darauf aufmerksam zu machen, dass dieser erste Schritt *sehr zaghaft gemacht wurde,* dass er keinesfalls davon zeugt, dass die Teilnehmer der Konferenz in ihrer Mehrheit bewusst sind, was diesem *ersten Schritt folgen muss.*

Auf der Konferenz fehlten *die offiziellen Vertreter der grössten Parteien der Internationalen,* der französischen und deutschen. Nur oppositionelle Minderheiten waren aus diesen Ländern vertreten. Das internationale Bureau, das in erster Linie berufen und verpflichtet war, den Kampf gegen den Krieg zu leiten, war abwesend. Warum? Das Manifest der Zimmerwalder Konferenz sagt, sie hätten die vor dem Kriege in Stuttgart, Kopenhagen und Basel eingegangenen Verpflichtungen « missachtet », sie hätten « den Klassenkampf eingestellt », Kredite bewilligt, sie hätten sich « den Regierungen zu den verschiedensten Diensten zur Verfügung gestellt », ihnen « Minister als Geiseln ausgeliefert ». Das ist sehr milde gesagt. Der Krieg stellt die schärfste Form der Ausbeutung und Unterdrückung der Arbeiterklasse dar. In den Munitionsfabriken

Фотокопия заявления Циммервальдской левой о задачах рабочего класса, выпущенного после Циммервальдской конференции

29/. La socialdémocratie suisse doit obte-
nir non seulement que le Congrès de Berne
(de février 1917) se rallie entièrement aux
décisions de Kienthal, mais elle doit encore
exiger que de son côté ce congrès déclare rom-
pre entièrement et définitivement avec
le B.S.I., ce rempart de l'opportunisme
et du socialisme patriote, tendances absolument
incompatibles avec le socialisme.
30.) La socialdémocratie suisse ~~qui~~ se trou-
vant dans des conditions particulièrement
favorables d'informations, qui lui permettent
d'observer de très près le mouvement ouvrier
de tous les pays avancés d'Europe et leur
lutte des tendances, et qui est parfaitement
située pr travailler à l'union ~~intern~~ des éléments
révolutionnaires ~~au dedans~~ de ces mouvements
prolétariens, ne doit point se borner à
attendre, en observateur passif, le développe-
ment de la lutte des tendances au sein des partis
elle doit ~~aller de l'avant~~ se mettre en avant-
garde du mouvement en suivant la voie
tracée par la gauche de Zimmerwald et
confirmée tous les jours par la marche
des événements en France, en Allemagne
en Angleterre, aux Etats-Unis en général
dans tous les pays civilisés.

Фотокопия последних пунктов статьи Ленина „Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии“ на французском языке

Ленину удается провести несколько дней в Тессине, итальянской части Швейцарии, расположенной южнее Альп. Друзья предложили ему снять домик в Порто-Ронко на берегу озера Лаго-Маджоре. Отсюда он совершает прогулки в расположенную высоко над озером горную деревушку Ронко, откуда открывается чудесный вид на озеро; посещает совсем маленькую и скромную рыбачью деревушку Аскону, местечко Бриссаж, давшее название известной швейцарской сигарной марке. Все это были спокойные местечки на тихом озере, лишь спустя десятилетия ставшие известными и по-современному оборудованными центрами международного туризма.

Однако такие часы отдыха случались все реже. Чаще, чем когда-либо, он вступает в непосредственный контакт с швейцарскими, особенно с цюрихскими, рабочими. Эрнст Нобс, принадлежавший тогда к левому крылу цюрихской парторганизации и являвшийся главным редактором цюрихского партийного органа „Фольксрехт", писал о Ленине, с которым он часто встречался в это время: „В период своего пребывания в Цюрихе Ленин регулярно посещал со своей женой Крупской общегородские, открытые для всех членов партии партийные собрания в Народном доме. Он приходил рано и садился обычно на одно и то же место в одном из первых рядов ближе к проходу. Ленин был одним из самых внимательных слушателей". Продолжается и энергичная дискуссия с лидерами рабочего движения в Цюрихе: с Германом Грейлихом, духовным отцом Швейцарской социал-демократической партии, лидером правых; с Вилли Мюнценбергом, вождем молодежи, являвшимся наряду с Фрицем Платтеном одним из лидеров левых; с Фрицем Брупбахером, известным цюрихским врачом и анархистом.

В качестве официального представителя ЦК русской партийной организации он принял участие в съезде швейцарской партии, собравшемся 4 ноября в ресторане „Кауфлейтен" („Коммерсанты"). Он вновь выступил со своей революционной программой и Кинтальскими тезисами, и съезд выразил свое принципиальное согласие с его взглядами в резолюции, сформулированной Нобсом. Продолжая целеустремленно работать, он составил в ноябре 1916 года проект программы для швейцарских рабочих: „Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии". Этот проект был повсюду разослан в рукописном виде.

Ленин продолжает расширять круг своей деятельности. Особое внимание он уделяет социалистическому молодежному движению, которое приобрело в Швейцарии в тот период огромный размах и развивалось в значительной степени под революционными лозунгами. В самом центре рабочего квартала Цюриха, в убогих помещениях „Кооператива", общежития молодежи по Цвинглиштрассе, 35, в подвальном помещении которого располагалась столовая, охотно посещавшаяся рабочими, Ленин встречался с руководящими деятелями рабочего движения и обсуждал с ними различные вопросы. Он продолжает устную и письменную

„Кауфлейтен“

полемику с руководителями швейцарской партии, неоднократно встречается с представителями левой группы в маленьком трактире „Цум шварцен адлер" („К черному орлу") и в крохотном „Цум швенли" („К малому лебедю"), а порой в „Штюссигофе", в Нидердорфе, расположенных неподалеку от Шпигельгассе. Он тщательно изучает проблему государства и революции, штудирует произведения Маркса и Энгельса по данному вопросу, а также анализирует уроки истории за предшествующий период, особенно уроки Парижской Коммуны и революции 1905 года. Мысли, изложенные им в те дни на бумаге, легли затем в основу будущей его книги под тем же названием.

В течение января 1917 года он неоднократно выступал против центристов и правых в швейцарской партии. По просьбе социалистической молодежи города Цюриха он выступил 22 января в Белом зале Народного дома с докладом о русской революции 1905 года. Одним из главных вопросов его выступления была также идейная борьба в швейцарской партии. Наряду с этим он продолжает свои занятия в библиотеках, поддерживает свои международные связи, пишет письма во все концы.

Неожиданно, это было 15 марта исторического 1917 года, Ленин узнал о начавшейся в России революции. „Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда уходить в библиотеку, а я кончила убирать посуду, пришел Бронский со словами: „Вы ничего не знаете?! В России революция!", и он рассказал нам, что было в вышедших экстренным выпуском телеграммах. Когда ушел Бронский, мы пошли к озеру; там на берегу под навесом вывешивались все газеты тотчас по выходе.

Перечитали телеграммы несколько раз. В России действительно была революция. Усиленно заработала мысль Ильича. Не помню уж, как прошли конец дня и ночь"[1].

Да, действительно, долгожданный час настал. Однако то, что до сих пор было надежным убежищем, позволявшим Ленину работать без помех, неожиданно превратилось теперь в тюрьму и препятствие для дальнейшей работы — то была сама Швейцария; ибо только одна мысль владела теперь революционером и его товарищами: как можно скорее попасть туда, где началась революция, к тем, кто уже сражается на баррикадах. Швейцарию же окружали воюющие страны, непреодолимые барьеры фронтов отделяли ее от его далекой родины. Как известный противник империалистической войны и глашатай заключения немедленного мира, он не мог рассчитывать на проезд через союзные с Россией и добивавшиеся победы Францию и Италию, а как русский, он не мог рассчитывать на проезд через Германию и Австрию, находившиеся в состоянии войны с Россией; Швейцария

---

[1] Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, стр. 271—272.

Бронский (1-й слева) и Нобс (3-й справа)

Ресторан „Цум швенли“

Порто-Ронко

Цвинглиштрассе, 35

Ресторан «Штюссигоф»

Народный дом в Цюрихе

же была со всех сторон окружена этими четырьмя странами. Что делать? Тысячи возможностей взвешивались и обсуждались, планировались и отвергались... Проходили дни, недели — вне революционной действительности. Это была мучительная обстановка: в течение многих лет требовать и добиваться этой действительности, а теперь, когда она наступила, быть вдали от нее! Чем возбужденнее и нетерпеливее становились споры на Шпигельгассе, на улице, в кафе, тем больше они уподоблялись разговорам впустую. О систематической научной работе в спокойных библиотеках невозможно было более и думать.

Между тем революция в России развивалась. Первое восстание в февральские дни привело к свержению царизма. Однако солдатские полки все еще лежали в окопах, переговоры о мире все еще не начинались, напротив, новое, буржуазное правительство, образованное из помещиков, промышленников, банкиров и других капиталистов, хотело прежде всего продолжать войну. Немногие большевики Петрограда (так назывался Петербург с момента начала войны), оказавшиеся в этот момент не в тюрьмах, ссылке или эмиграции, не сумели найти правильных лозунгов. Более чем когда-либо сказывалось отсутствие прозорливого вождя, а он находился в это время в Цюрихе. „Какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время“, — писал Ленин в одном из писем в эти дни.

И тем не менее он неутомимо принимает самое активное участие во всех событиях: находящейся в Стокгольме Александре Коллонтай он шлет директивы для дальнейшего препровождения их в Петроград; 18 (5) марта он выступает в городе, славящемся своими часовых дел мастерами, Шо-де-Фоне, с докладом о Парижской Коммуне 1871 года и ее значении для современности; затем он пишет свои пять „Писем из далека“ для вновь легально издающейся „Правды“. 27 (14) марта он выступал в Цюрихе с сообщением о задачах русской партии в революции...[1]

Однако дни проходили, а Ленин все еще был не в Петрограде! Неужели нет никакой возможности для поездки? Наконец выход был найден, правда несколько опасный и проблематичный, поскольку он легко мог дать повод к кривотолкам: немецкое военное командование было заинтересовано в ослаблении русской мощи, в скорейшем прекращении военных действий на Восточном фронте путем заключения мира, с тем чтобы из последних сил, незадолго уже до своего собственного крушения, организовать большое наступление на Западном фронте. Необходима была величайшая спешка, поэтому сторонники заключения мира были желанными людьми! Ведь обещали же большевики заключить мир, как только они придут к власти? Если они обещают, они сдержат свое слово! Ничто не препятствовало, таким образом, проезду через Германию. Однако поскольку эти

[1] Автор имеет в виду автореферат В. И. Ленина „О задачах РСДРП в русской революции“, Соч., т. 23, стр. 346. — *Прим. ред.*

Шо-де-Фон

сторонники мира являлись одновременно и опасными революционерами, а положение в Германии было таково, что для нее не столь уж отдаленной была угроза революции, то решено было допустить проезд через страну лишь под надзором, предотвратив какой бы то ни было контакт со страной и людьми: железнодорожный вагон на всем пути следования от швейцарской до шведской границы должен был находиться под пломбой. Отъезжавшие заявили о своем согласии с этими своеобразными условиями.

Итак, день отъезда наконец-то приближался. 4 апреля утром в ресторане „Ейнтрахт“, расположенном в ста метрах от квартиры на Шпигельгассе, был окончательно решен план поездки. После обеда отправились поездом в Берн, чтобы при посредничестве швейцарского социалиста Фрица Платтена согласовать все детали поездки с германским посольством. 7 апреля всем русским товарищам, находившимся в Швейцарии, в том числе и небольшевикам, было предложено выехать вместе. 8 апреля Ленин написал свое последнее „Письмо из далека“; в тот же день он написал также „Прощальное письмо к швейцарским рабочим“, одобренное в Бернском Народном доме всеми собравшимися для отъезда. В своем „Письме“ Ленин анализировал положение в швейцарской партии, благодарил за длительное и доброе гостеприимство и заканчивал призывом: „Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!“

Затем настало прощание с семьей Каммерера, с соседями по квартире на Шпигельгассе, которое сам Каммерер описывает просто, но выразительно:

«На прощанье я пожелал ему счастья и сказал: „Надеюсь, в России вам не придется работать так много, как здесь, господин Ульянов!“ На это он мне ответил задумчиво: „Я думаю, г-н Каммерер, что у меня в Петербурге будет еще больше работы!“ — „Ну, ну, — ответил я ему, — писать больше, чем здесь, вы все равно не сможете. Найдете ли вы сразу комнату в России, ведь там, наверное, большая жилищная нужда?“ — „Комнату-то я получу во всяком случае, — сказал мне г-н Ульянов, — но будет ли она такой тихой, как у вас, г-н Каммерер, этого я еще не знаю!..“ Вслед за тем он уехал».

Скромный прощальный обед — он никак не походил на банкет — был устроен в ресторане „Церингергоф“, неподалеку от Шпигельгассе и напротив Центральной библиотеки, в которой Ленин так много работал. Ленин лично выпроводил агента русской охранки, попытавшегося присоединиться к участникам прощального обеда. Ровно в десять минут четвертого поезд с Ульяновыми и их товарищами отошел от Цюрихского вокзала, чтобы через Шафгаузен, Германию, Швецию, а затем Финляндию доставить своих пассажиров в Петроград. Дни эмиграции и швейцарского изгнания закончились.

Это были многие дни, бесконечно многие часы: часы неустанной работы и необходимого отдыха, часы дискуссий с политическими деятелями и рабочими,

Фриц Платтен

Ресторан „Ейнтрахт“

Ein Abschiedsbrief

an die

Schweizer Arbeiter

Von N. Lenin

1917

Ein Abschiedsbrief an die Schweizer Arbeiter.

Genossen, schweizerische Arbeiter!

Indem wir, Mitglieder der russischen sozialdemokratischen Arbeiterpartei, vereinigt durch das „Zentralkomitee" (im Unterschied von der zweiten Partei, die den gleichen Namen trägt und durch das Organisationskomitee vereinigt ist), die Schweiz verlassen, um nach Rußland zu reisen und dort in unserer Heimat die revolutionäre internationalistische Arbeit weiterzuführen, senden wir euch unsern Genossengruß und drücken unsere brüderliche Anerkennung für euer genossenschaftliches Verhalten gegenüber den Emigranten aus.

Wenn die offenen Sozialpatrioten und Opportunisten, die schweizerischen „Grütlianer", wie die Sozialpatrioten aller Länder, die die Reihen des Proletariats verlassen haben und in das Lager der Bourgeoisie übergegangen sind, wenn diese Leute euch offen aufforderten, gegen die „schädliche Wirkung" der Ausländer in der schweizerischen Arbeiterbewegung anzukämpfen, — wenn die verdeckten Sozialpatrioten und Opportunisten, die die Mehrheit unter den Führern der schweizerischen, sozialistischen Partei bilden, die gleiche Politik in verdeckter Form führten, — so müssen wir erklären, daß wir von seiten derjenigen revolutionären sozialistischen Arbeiter der Schweiz, die auf dem internationalen Boden stehen, heißes Entgegenkommen fanden und daß wir für uns im Verkehr mit ihnen viel Nutzen gezogen haben.

Wir waren in unserer politischen Betätigung immer vorsichtig, besonders in solchen Fragen der schweizerischen Arbeiterbewegung, die eine längere Zeit der Mitarbeit in den lokalen Organisationen beanspruchen, um sich mit ihnen bekannt zu machen. Diejenigen von uns aber (kaum mehr als 10—15 Mann), die Mitglieder der schweizerischen sozialdemokratischen Partei waren, hielten es für ihre Pflicht, in den allgemeinen, grundlegenden Fragen der sozialdemokratischen Bewegung unseren Standpunkt, den der „Zimmerwalder Linken", zu vertreten, nicht nur entschieden den Kampf gegen den Sozialpatriotismus zu führen, sondern auch gegen die Richtung des sogenannten „Zentrums", zu der R. Grimm, F. Schneider, Jacques Schmid u. a. in der Schweiz, Kautsky, Haase, die „Arbeitsgemeinschaft" in Deutschland, Longuet, Pressemane,

Фотокопия „Прощального письма к швейцарским рабочим" на немецком языке

Offizielles Publikationsorgan der Sozialdemokratischen Partei der Schweiz und des Kantons Zürich der Arbeiter-Unionen Zürich, Oerlikon-Seebach, Thalwil, Horgen und Küsnacht

Amtl. Publikationsmittel der Gemeinden Oerlikon, Seebach, Schwamendingen, Höngg, Affoltern b. Z., Altstetten, Schlieren und Albisrieden

Zürich, Stauffacherstraße 3/5 | Telephon: Redaktion 7340 — Administration 1501 — Druckerei 1532. Alle Postsendungen für Redaktion und Administration nach Zürich, Bahnhof-Postfach. Geldsendungen für die Administration: Postscheck VIII 1530 | Zwanzigster Jahrgang

Die heutige Nummer umfaßt 10 Seiten.

Acht Tage später.

H. W. Acht Tage nach dem Klimbim der patriotischen Bruder-Klausenfeier gähnt der Graben zwischen Deutsch und Welsch aufs neue. Nicht daß er je zu gewesen wäre, bewahre, die bürgerliche Heuchelei verstand es in den letzten Monaten mit steigender Virtuosität, dem Volke die goldenen Brücken hinüber und herüber zu demonstrieren. Nachdem die nationale Einigkeit vor einem Jahre im Oberstenprozeß so elendiglich in die Brüche ging, daß sich die Eidsgenossen sogar mit Militäreisenbahnzügen entgegenkamen, hatte man es verstanden, die Kluft zu verkleistern, um im patriotischen Taumel der Klausenfeier den Gipfel der Brüderlichkeit zu erreichen. Und acht Tage darauf ist die Wunde wieder offen und will nie und nimmer heilen. Der Grund ist für den nüchternen Beobachter klar. Die Sympathien, die hier nach Deutschland, dort nach Frankreich gehen, decken sich mit den Interessen der respektiven Landesteile. Und wie der Bourgeois nur eines kennt, das Profitinteresse, so wird alles vergeblich sein, patriotische Bekehrungsversuche zu unternehmen. Sie sollten dies lassen und nur eidsgenössisch denken, fühlen und handeln. Ein neues Beispiel unserer Ansicht zeigte sich wieder jüngst im Nationalrat.

Es handelt sich um die belgischen Deportationen, über die im Nationalrat die Leidenschaften in Wallung gerieten. Der Tatbestand ist aus der Berichterstattung bekannt: Wegen der von der deutschen Regierung angeordneten Deportierung der belgischen und französischen Zivilbevölkerung in den besetzten Gebieten entstand in der welschen Schweiz eine Petition, die nun im Nationalrat hohe Wellen warf. Der Bundesrat hat bekanntlich seinerzeit in Berlin bescheidene Verwahrung dagegen eingelegt, fand aber damit nicht die Zustimmung der Welschen, die einen Protest verlangten. Als sich nun die eidsgenössischen Mameluken in den Haaren lagen und schon schwitzten, warf noch Genosse Grimm einen neuen Zankapfel ins Gefecht. Das Amendement Grimm erfaßte die wahren Tatsachen objektiv einzig richtig und gerecht, indem es verlangte, daß nicht bloß gegen deutsche Rechtsverletzungen, sondern auch gegen diejenigen der Entente protestiert werden müsse. Die Logik des Antrages Grimm war zwingend und sie wurde, wie auch die „Neue Zürcher Zeitung" bemerkt, in der Debatte expressis verbis anerkannt. Man hätte nun meinen können, daß die welschen Humanitätsenthusiasten freudig zugestimmt hätten, um gegen alle Brutalitäten, kommen sie woher sie wollen, zu protestieren. Doch keine Spur davon, und damit ist bewiesen, daß ihr Antrag dem Chauvinismus entsprang. Und weil nun die Welschen gegen den Antrag Grimm tobten, wagten auch die Deutschschweizer nicht ganz dazu zu stehen von wegen der Angst um die nationale Einigkeit. So ging der brüderliche Kampf weiter und endigte mit Sorgenfalten auf der einen und roten Köpfen auf der andern Seite. Zum Minderheitsantrag der welschen Protestler wurde vom Rate der Zusatz Grimm beigefügt.

Damit waren die Welschen scheinbar geschlagen. Sie fanden aber einen Ausweg, indem de Meuron getrennte Abstimmung verlangte, womit der Zusatz Grimm wieder hätte ausgemerzt werden sollen. Doch der Rat lehnte ab und damit stieg und steigt die Wut der welschen Deputierten ins Unendliche. Natürlich standen nun zum einzig gerechten Minderheitsantrag plus Amendement Grimm nur noch ein paar Sozialdemokraten, währenddem der noch spärlich vorhandene Rest der Bourgeois durch die Annahme des Antrages Dancourt dem Bundesrat seinen Dank und der welschen Petition sein Kompliment abstattete usw. Die unentwegten Welschen aber streikten am Abend darauf in der freisinnigen Fraktionssitzung, und sie sind im Begriffe, neuerdings zu protestieren. Die „nationale Einheit" ist wiederum einmal zum Teufel. Und das acht Tage nach der Bruder-Klausfeier, der patriotischen und verlogenen.

Für uns Sozialdemokraten ist die Geschichte als solche lehrreich. Die amüsante Diskussion der Hirtenknaben hat gezeigt, wie hohl die Phrasen der nationalen Einigkeit sind, wie verlogen das Geschwätz von der eidsgenössischen Brüderlichkeit. Aber wenn die interessierten Bourgeois nicht einmal unter sich selbst des höheren Profites wegen für das Vaterland ein Opfer bringen können, wie lächerlich wirkt es dann, wenn die gleichen Brüder die Sozialdemokraten verhöhnen als vaterlandslose Gesellen, wenn sie für die Internationale kämpfen wollen.

Sie, die nur nach ihrem Interesse fragen und demgemäß germanophil oder frankophil sind, und sich deshalb in aller Oeffentlichkeit periodisch in den Haaren liegen, die Leute wollen den Schweizer Arbeiter Mores lehren darüber, was er vom eidsgenössischen Vaterland zu halten und wie er es zu verteidigen habe. O welche Ironie! Nun, wenn wir aus dem Schauspiel im Bundespalais etwas lernen wollen, so das, daß auch die Arbeiterklasse immer konsequenter und energischer für das eintritt, was in ihrem Interesse liegt. Wenn wir es bis jetzt noch nicht wußten, so hat man es uns wieder eindringlich vordemonstriert: Der welsche Bourgeois denkt nur an sich, der deutschschweizerische Bourgeois denkt nur an sich, und der ganze Zauber vom einigen, brüderlichen Vaterland ist nur Köder für die irregeführte, unterdrückte Volksschicht. Wie lange geht es, bis die Arbeiterklasse einmal nur an sich denkt und dem immer deutlicher sich zeigenden Klassenkampf von oben den zielbewußten Klassenkampf von unten entgegenstemmt? Selbst haben sich die Bourgeois gegenseitig die Maske vom Gesicht gerissen, und diese Klarheit möge uns dazu dienen, unbeachtet selbstironischer Kritik der Gegner und ihrer demagogischen Heuchelei rücksichtslos unsern Weg zu gehen, unserm Ziele zu.

An der deutschen „inneren Front".

Berlin, 29. März. Im deutschen Reichstag hielt der Reichskanzler bei der Beratung des Etats, nachdem vorher verschiedene Redner gesprochen hatten, eine Rede. Er ging auf die russischen Wirren ein und wies darauf hin, daß der letzte Zar, uneingedenk der Traditionen seines Hauses sich der Entente hingegeben habe, und daß es eine Legende sei, daß Deutschland je die Reaktion in Rußland unterstützt habe. Im Gegenteil: der deutsche Kaiser habe dem Zaren früher wiederholt zu Reformen geraten. Wir werden uns nicht in die russischen Verhältnisse einmischen, jede gegenteilige Behauptung ist eitel Lüge und Verleumdung. Wir hoffen nur, daß die russischen Verhältnisse sich zu einem Bollwerk des Friedens entwickeln werden. Wir begehren nichts anderes, als mit dem russischen Volke im Frieden zu leben und zwar auf Grund eines für beide Teile ehrenvollen Friedens. Diese Erklärung rief lauten Beifall hervor. Der Kanzler kam sodann auf Amerika zu sprechen und schilderte, wie sich die Verhältnisse zum Unterseebootkrieg entwickelt haben. Das deutsche Volk will den Krieg mit Amerika nicht, aber es wird ihn zu ertragen wissen. Die Entscheidung Chinas gegen Deutschland führte der Kanzler auf die Abhängigkeit von der Entente zurück. Dann ging er auf die Kriegslage ein, die jetzt keine größeren Operationen erwarten lasse.

Die Ausführungen über die innere Politik habe er mit Aufmerksamkeit verfolgt, aber die wichtigere Frage bleibe die glückliche Beendigung des Krieges. Die Länge des Krieges mache klar, daß man nicht alles an Reformen bis zum Frieden hinausschieben könne. Das werde sich auch am Reiche zeigen. Aber die preußische Wahlreform würde zu schwere Kämpfe bringen, als daß man zu ihr jetzt schon schreiten könnte. Im Hause riefen diese Ausführungen eine große Bewegung hervor. Der Kanzler schloß mit dem Hinweis auf die Einigkeit im Kampfe bis zum Siege, worauf lebhafter Beifall erscholl.

Sehr beachtenswert ist, daß vor Bethmann der nationalliberale Stresemann sich namens seiner Fraktion für die baldige Vornahme der Reformen ausgesprochen hat. Er plädierte für die Verantwortlichkeit der Staatssekretäre und bestritt, daß demokratische Einrichtungen für den Staat verwerflich seien. Er forderte den Kanzler darum auf, die preußische Wahlreform, die eine deutsche politische Frage sei, alsbald in die Wege zu leiten und sich nicht erst dazu nötigen zu lassen.

Diese Worte riefen im Hause eine große Bewegung hervor, denn mit ihnen stellte sich die nationalliberale Partei auf denselben Standpunkt wie die Volkspartei und die Sozialdemokratie. Aber trotzdem: Die Regierung ist zu keiner „Zurücknahme der inneren Front" zu bewegen. Sie wird es bereuen, wenn als Folge das eintritt, was ihr von bürgerlicher und sozialdemokratischer Seite prophezeit worden ist. Jedenfalls ist es besser, das deutsche Volk schaffe sich sein eigenes neues Recht selber, als es empfange ein schäbiges Almosen, das die Regierung heute in Aussicht stellt.

Lenin über die russische Revolution.

Genosse Lenin, der bekanntlich die am weitesten linksstehende Richtung der russischen Sozialdemokraten vertritt, hielt kürzlich in Zürich einen Vortrag über die Aufgaben der Sozialdemokratie in der russischen Revolution. Seine Auffassungen entsprechen sicher der von einem Teil der russischen Sozialisten gegenwärtig eingeschlagenen Taktik und bilden daher einen wertvollen Beitrag zur Kenntnis der jetzigen Vorgänge in Rußland. Wir können aus dem 2½stündigen Vortrag nur einen knappen Auszug veröffentlichen.

Die wichtigste Vorbedingung für das „Wunder" des Umsturzes in Rußland war der „große Aufruhr" der Jahre 1905—1907, der durch die heutigen Herren der Lage, die Gutschkows und Miljukows so niederträchtig besudelt wurde und die jetzt über die „glorreiche Revolution" von 1917 frohlocken. Wenn aber die Revolution von 1905 den Boden nicht aufgewühlt, wenn sie nicht allen Klassen und Parteien in der Aktion vor Augen geführt, wenn sie nicht die Zarenbande in ihrer ganzen Barbarei und Wildheit entblößt hätte, wäre 1917 ein schneller Sieg unmöglich gewesen.

Dieses außerordentliche Zusammenfallen der Bedingungen erlaubte 1917 alle Schläge, die von verschiedensten gesellschaftlichen Kräften gegen den Zarismus gerichtet waren, zu vereinigen. Erstens: Das englisch-französische Finanzkapital, das über die ganze Welt herrscht und die ganze Welt ausraubt, war 1905 gegen die Revolution und half dem Zarismus die Revolution zu ersticken. (Milliardenanleihe 1906!) Jetzt nahm es tatkräftigen Anteil an der Revolution, indem es das Attentat der Gutschkows und Miljukows und der oberen Schichten des Militärs zur Absetzung Nikolaus II. organisiert hat.

Vom Standpunkte der Weltpolitik und des internationalen Finanzkapitals ist die Regierung Gutschkow-Miljukow ganz einfach der Kommis der Bankfirma England-Frankreich, ein Mittel der Verlängerung des imperialistischen Völkermordens.

Zweitens: Die Niederlagen der zarischen Monarchie räumten gründlich mit dem alten Bestand der Offiziere auf und schufen neue, junge, bürgerliche Kaders.

Drittens: Die gesamte russische Bourgeoisie, die sich seit 1905 bis 1914 und besonders seit 1914 bis 1917 rapid organisiert hat, vereinigte sich mit dem Adel im Kampfe gegen den verfaulten Zarismus, in dem Wunsche, sich durch den Raub von Armenien, Konstantinopel, Galizien usw. zu bereichern. Endlich, viertens — und das ist das wichtigste —: Zu den imperialistischen Kräften gesellte sich eine tiefe und wildreißende proletarische Bewegung. Das Proletariat machte diese Revolution, forderte Frieden, Brot und Freiheit. Es hatte nichts gemein mit der imperialistischen Bourgeoisie, und es führte mit sich die Mehrheit der Armee, die doch aus Arbeitern und aus Bauern besteht!

Die Umwandlung des imperialistischen Krieges in den Bürgerkrieg hat begonnen. Darin liegt die Quelle des zwieträchtigen Charakters dieser Revolution, die die erste Etappe der ersten vom imperialistischen Krieg geborenen Revolution bildet.

Die Regierung Gutschkows und Miljukows, die junkerliche und kapitalistische Regierung, kann dem Volke weder Frieden noch Brot noch Freiheit geben. Sie ist eine Regierung der Weiterführung des räuberischen Krieges, die offen erklärt, daß sie den internationalen Verträgen, die der Zar abgeschlossen hat, treu bleiben wird. Diese Verträge sind Raubverträge. Diese Regierung könnte im besten Falle die Krisis verschieben, aber das Land vom Hunger befreien kann sie nicht. Sie ist nicht imstande, auch die Freiheit zu geben, wenn sie noch so viel Versprechungen macht; denn sie ist mit den Interessen des adeligen Grundbesitzes und des Kapitals verknüpft.

Deswegen wäre das dümmste, was man tun könnte, eine Taktik des Zutrauens und der Unterstützung gegenüber dieser Regierung (eingebunden ist, daß sie nicht imstande ist, vom Imperialismus loszulassen), wenn die Freunde Tscheidses, Tuljakow und Skobelew, im Auftrage der Regierung Gutschkows und Miljukows herumreisen, um die Soldaten zu beruhigen, die gegen die liberal-bürgerlichen Generale revoltieren (Ermordung des Admirals Nepenin), dann führen Tscheidse und seine Freunde die schlimmste Politik der Bourgeoisie und schädigen damit die Revolution.

Welche Taktik soll das Proletariat anwenden? Wir stehen in einem Uebergang von der ersten Etappe der Revolution zu der zweiten, vom Aufstand gegen den Zarismus zum Aufstand gegen die Bourgeoisie, gegen den imperialistischen Krieg, im Uebergang zum Konvent, der aus der konstituierenden Versammlung sich entwickeln kann, wenn die Regierung tatsächlich ihr Versprechen einlösen wird und die Versammlung einberuft.

Die besondere Aufgabe des jetzigen Zeitpunktes besteht in der Organisierung des Proletariats. Aber nicht in der schablonenhaften Form der Organisation, mit der sich die Verräter am Sozialismus, die Sozialpatrioten, die Opportunisten aller Länder begnügen, sondern in der revolutionären Organisation. Diese Organisation soll erstens eine allgemeine sein, zweitens in sich

Фотокопия газеты „Фолькспрехт“ с кратким изложением выступления Ленина о задачах социал-демократии в русской революции

с русскими и швейцарцами, часы сосредоточенной научной работы в библиотеках, а также часы веселых игр с детьми, часы, заполненные публичными выступлениями, и тихие часы, когда он писал письма. И всегда рядом с Лениным была его верная спутница жизни, Надежда Константиновна Крупская, делившая с ним заботы и радости, борьбу и отдых.

Это были многие дни, в течение которых он ближе познакомился с людьми и природой Швейцарии — с этими несколько суровыми, трудолюбивыми и трезвыми людьми, с этой разнообразной и самобытно красивой природой с ее озерами и горами, Альпами и лесами, с ее оживленными городами и уединенными поселками. Он побывал в большинстве крупных городов страны, в Женеве и Цюрихе, в Базеле и Лозанне, в Берне и Люцерне, проводил свои дни отдыха в Ормонтских и Флумских Альпах, в люцернском Энтлебухе и на ваадтской Юре и в тессинской деревушке Ронко. Он поднимался на такие горы, как Бринзский Ротхорн или Пилат. Он вел беседы и дискуссии в бесчисленных кафе и трактирах, жил в скромных, бедно обставленных комнатах...

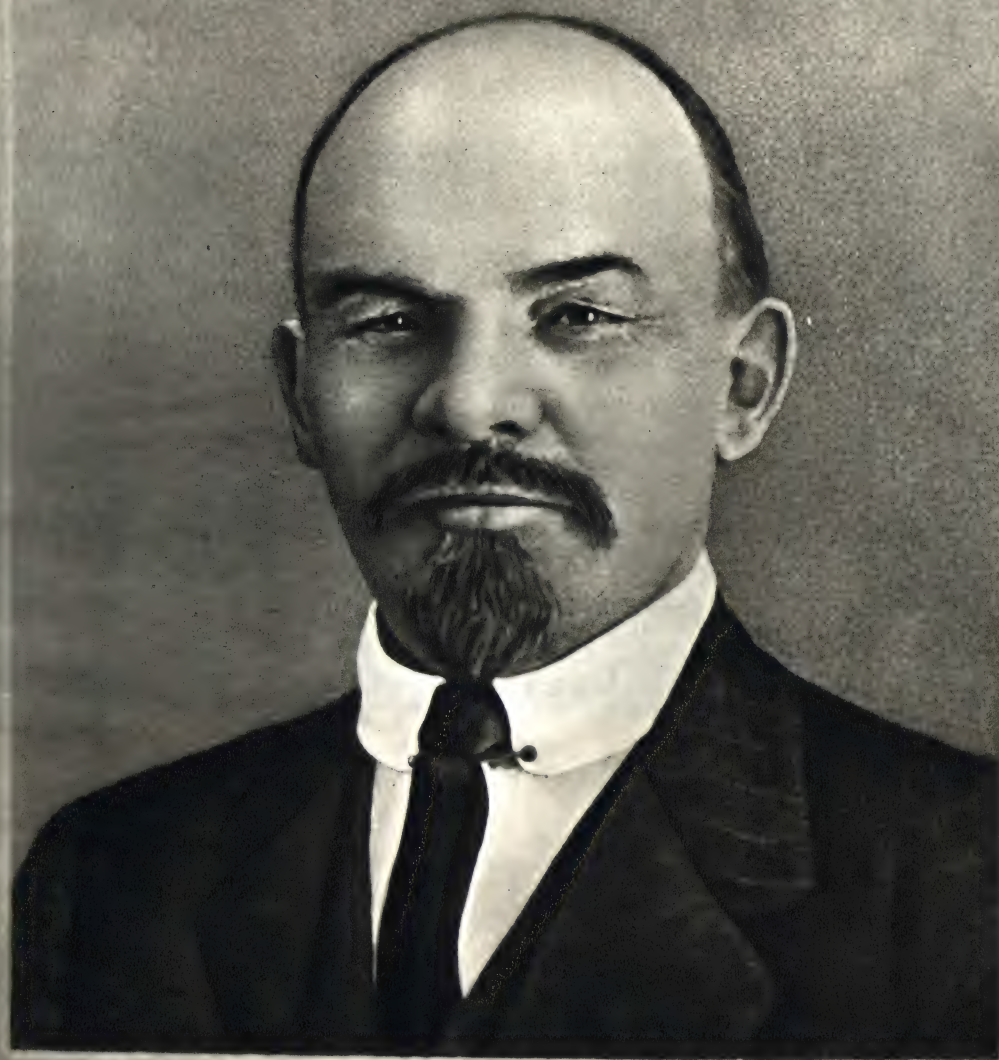
Какой большой политический путь проделал он в этот швейцарский период: от первых столкновений с Плехановым в 1895 году по вопросу о задачах и целях марксизма в России до апрельских тезисов 1917 года, нашедших свое осуществление в Октябрьской революции. Чего только он не совершил за это время: грандиозный разгром ревизионизма и оппортунизма всех мастей, разоблачение II Интернационала, создание политической партии совершенно нового типа и составление программы нового Интернационала, углубление диалектического материализма в прокладывающих новые пути философских трудах и записках, развитие исторического материализма в работе об империализме и набросках к книге „Государство и революция“... все это в целом был труд, действительно творивший и продолжающий творить историю.

Во многих городах и деревушках Швейцарии вынашивал Ленин свою грандиозную концепцию мировой истории, и свет его идей проник во все уголки земного шара.

No. 50 + 15. Dezember 1917

+ 30 Cts. + 35 Pfg. +

Schweizer Illustrierte Zeitung

VI. Jahrgang · Erscheint Samstags · Verlagsanstalt Ringier & Cie., Zofingen · Halbjährlich Fr. 4.50, postamtl. Fr. 4.60

Lenin (Ulianoff),

der [illegible] Mann Rußlands, der einen Waffenstillstand mit Deutschland und Österreich [illegible], nachdem er den frühern Präsidenten der russischen Republik, Kerenski, gestürzt hat.

„Швейцер Иллюстрирте Цейтунг“ — первая несоциалистическая газета, опубликовавшая портрет Ленина

Цюрихский вокзал